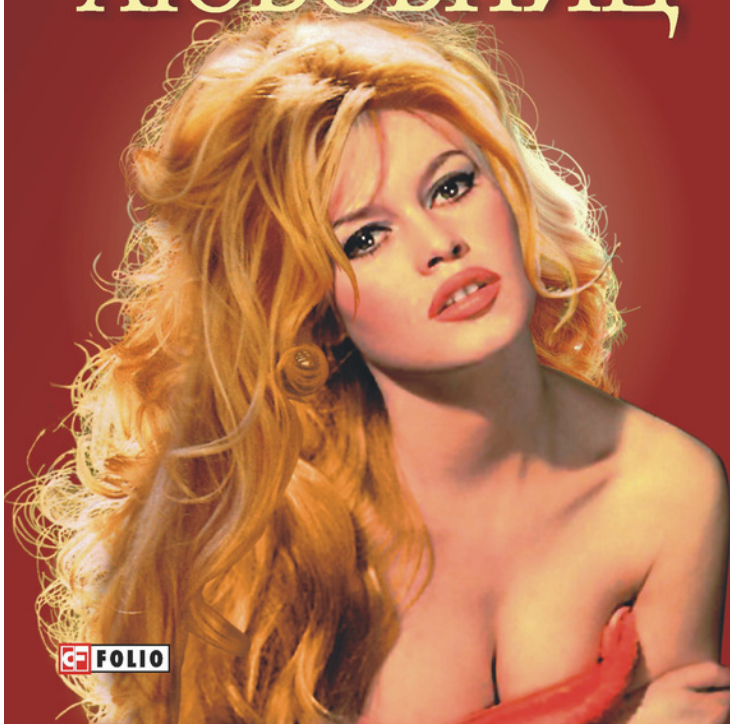

ЗНАМЕНЫХ

ЛЮБОВНИЦ

 FOLIO

**Ирина Анатольевна Рудычева
Алина Витальевна Зиолковская
Татьяна Васильевна Иовлева
50 знаменитых любовниц
Серия «100 знаменитых»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4572827
50 знаменитых любовниц; Фолио; Харьков; 2009
ISBN 978-966-03-4373-3*

Аннотация

Очерки о знаменитых любовницах, представленные в этой книге, лишний раз убеждают в правоте этих слов. Этим знаком была Любовь, которая властвовала над ними и через них. Они жили в разное время и в разных странах; в царских одеждах или нищенских лохмотьях, в экстравагантных и смелых нарядах или скромных платьях они сразу выделялись из толпы, как бы отмеченные знаком свыше. Как бы ни была порой мучительна или безнадежна страсть, охватывающая влюбленных, как ни терзали бы их муки сомнений или ревности, нельзя не согласиться с Шарлем Бодлером, который утверждал, что "женщина – это приглашение к счастью". Рассказывая о судьбе знаменитых любовниц, авторы этой книги не столько стремились описать пикантные подробности их интимной жизни, сколько

отобразить саму стихию любви, воплощением которой они являлись. Именно такими историями – романтическими или скандальными, счастливыми или трагическими – была полна жизнь женщин, о которых рассказывается в этой книге. "Любовь, которая есть не что иное, как эпизод в жизни мужчины, есть целая история в жизни женщины", – утверждала французская писательница Луиза Жермена де Сталь.

Содержание

От авторов	5
Алиенор (Элеонора) Аквитанская	8
Андреева Мария Федоровна	19
Бардо Брижит	44
Бернар Сара	61
Борджиа Лукреция	79
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Татьяна Иовлева,
Алина Зиолковская,
Ирина Рудычева**
50 знаменитых любовниц

От авторов

«Любовь, которая есть не что иное, как эпизод в жизни мужчины, есть целая история в жизни женщины», – утверждала одна из героинь этой книги, французская писательница Луиза Жермена де Сталь. Именно такими историями – романтическими или скандальными, счастливыми или трагическими – была полна жизнь женщин, о которых ведется наш рассказ. Они жили в разное время и в разных странах. В царских одеждах или нищенских лохмотьях, в экстравагантных и смелых нарядах или скромных платьях они сразу выделялись из толпы, как бы отмеченные знаком свыше. Этим знаком была Любовь, которая властвовала над ними и через них. Для одних она была смыслом жизни, для других – средством к достижению богатства и положения в обществе, третьи видели в ней источник творческого вдохновения, духовного совершенства и счастья.

Так или иначе, но каждая из этих женщин постигала науку любви по-своему, всякий раз как бы заново открывая для себя и своего возлюбленного сложный мир любовных чувств и ощущений, загораясь очередной страстью как в первый раз или сохраняя одну-единственную на всю жизнь. Ошибки и разочарования прежних увлечений исчезали для них при свете новой любви. Недаром знаменитая французская куртизанка XVII в. Нинон де Ланкло, весьма искушенная в любовных делах, мудро замечала, что «в любви, как во всем, опыт – врач, являющийся после болезни».

Большинство знаменитых любовниц покоряло сердца своих поклонников прежде всего красотой, женственностью, изысканностью манер и чувственностью. О каждой из них можно было бы по примеру известного французского литератора XVIII в. Николы-Себастьяна де Шамфора сказать как о женщине, «возле которой забываешь то, что знал назубок, иными словами, все недостатки пола».

Но были среди них и такие, кто, не обладая особой внешней привлекательностью, сумели достичь вершин в искусстве любовного наслаждения благодаря уму, остроумию, сильному характеру, творческим талантам – словом, всему тому, что позволяет назвать женщину незаурядной. Именно в этом состоял основной секрет притягательности Клеопатры и Екатерины II, Луизы Жермены де Сталь и Жорж Санд, Уоллис Симпсон и Гала, Черубины де Габриак и Эдит Пиаф.

Рассказывая о судьбе знаменитых любовниц, авторы этой

книги не столько стремились описать пикантные подробности их интимной жизни, сколько отобразить саму стихию любви, воплощением которой они являлись. Той самой – всепобеждающей и безграничной, которая, по мнению Марины Цветаевой, объединяет любящих людей, «может быть в одной постели, а может быть – за тысячу верст». Именно такая «любовь не как «связь», а как стихия» долгие годы жила в сердцах замечательной актрисы Патрик Стеллы Кэмпбелл и всемирно известного драматурга Бернарда Шоу. Из той же стихии были сотканы любовные отношения Любви Дельмас и Александра Блока, Лу Саломе и Райнера-Марии Рильке, Гала и Сальвадора Дали, вдохновившие возлюбленных на создание прекрасных произведений литературы и искусства.

Особое место в этой галерее творческих личностей занимает «любовная война» Аполлинарии Суловой и Федора Достоевского. Она являет собой редкий пример тяжелого чувства любви-ненависти, столь характерного как для творчества, так и для личных отношений писателя.

Но как бы ни была порой мучительна или безнадежна страсть, охватывающая влюбленных, как ни терзали бы их муки сомнений или ревности, нельзя не согласиться с Шарлем Бодлером, который утверждал, что «женщина – это приглашение к счастью». Очерки о знаменитых любовницах, представленные в этой книге, лишний раз убеждают в правоте этих слов.

Алиенор (Элеонора) Аквитанская

(род. в 1122 г. – ум. в 1204 г.)

Королева Франции, а позже Англии. Славилась удивительной красотой и многочисленными любовными приключен-

чениями. История ее супружеских отношений с французским королем Людовиком VII и английским королем Генрихом II Плантагенетом считается причиной Столетней войны. Муза одного из самых известных французских трубадуров Бернарда де Вентадорна, воспевавшего *fine amor* – «утонченную любовь», любовь-служение Прекрасной Даме. Мать короля-трубадура Ричарда I Львиное Сердце.

Прекрасная Алиенор Аквитанская была и остается легендой, одним из символов классического средневековья. При жизни современники относились к ней по-разному. «В Антиохии все знали о распутстве этой женщины. Она вела себя не как королева, а как уличная девка», – писал монах Альберик. Но ее возлюбленный, знаменитый трубадур Бернард де Вентадорн пел:

«Я пьян от радости, я околдован вдруг.
В природе изменилось все вокруг.
Зимой я вижу, хотя сады пусты,
И красно-белые и желтые цветы.
Под зимними дождями и в ненастье
В груди моей растет и крепнет счастье.
Звучит все громче моя лира
Средь звуков чувственного мира».

Пожалуй, иного и быть не могло. По мнению современников, средневековый аскетизм боролся со своим антиподом –

чувственностью, им гонимой, но проросшей изящным цветом куртуазной¹ любви, от которой было рукой подать до любви плотской. И наша Прекрасная Дама, с удовольствием принимая рыцарское поклонение, не заботясь о мнении окружающих и достоинстве своих венценосных мужей, спокойно доводила отношения до постели. Однако развратной ее вряд ли можно назвать. Она несомненно следовала велению сердца и темперамента.

А пылкий темперамент Алиенор было от кого наследовать. Ее дед, герцог Аквитанский, первый трубадур Прованса, Гийом VIII де Пуатье, так прославился любовными похождениями, что один из летописцев, подводя итог его жизни, писал: «Он долго путешествовал по свету с одной единственной целью – совращать женщин». Не отличался аскетизмом и ее отец, Гийом IX де Пуатье.

В родительском замке процветали куртуазные отношения. Любовь была возведена в ранг служения, но часто переходила за грань дозволенного церковной моралью. Весь двор пребывал в состоянии влюбленности. Немаловажную роль в этом играла и наследница герцога. Девочка в 10 лет осталась без матери, которая могла бы несколько поумерить пыл рано развившейся Алиенор. Уже в четырнадцать лет она своей

¹ Куртуазная любовь – форма взаимоотношений между рыцарем и женщиной благородного происхождения, возникшая на рубеже XI–XII вв. на юге Франции – в Аквитании, Тулузе, а со временем распространившаяся на север страны. Для нее характерен культ Прекрасной Дамы – идеальная любовь и вассальное подчинение возлюбленной.

красотой стала привлекать внимание рыцарей и трубадуров. В ее честь слагались стихи. А однажды и Алиенор сочинила песенку об одном из своих поклонников, в которой не обошлось без некоторой фривольности.

Летом 1137 г. девушку постигла тяжелая утрата – во время паломничества внезапно умер ее отец, и это круто изменило жизнь юной герцогини. Герцоги Аквитанские относились к числу самых богатых и могущественных феодалов Европы того времени. Им принадлежали земли графств Пуату, Овернь, Марш, Лимузен, Ангума, Перигор, Гасконь и Гиень. Боясь, что бароны начнут междоусобицы, герцог перед смертью направил послов к французскому королю Людовику VI Толстому и просил его взять под опеку Алиенор и ее младшую сестру Алике. Старшую дочь он предложил в жены восемнадцатилетнему дофину, которого тоже звали Людовиком.

Французские короли были много беднее герцогов Аквитанских. И потому владыка Франции пришел в восторг от предложения. Вскоре в Бордо произошла встреча жениха с невестой. Людовик без памяти влюбился в зеленоглазую красавицу-невесту. Алиенор жених тоже понравился.

Однако брачная ночь разочаровала ее. Принц оказался не на высоте положения. Вскоре молодоженов настигло известие о смерти короля. Людовик унаследовал трон, а Алиенор стала королевой. Придворные рыцари не остались равнодушными к ее красоте, а она, привыкшая поощрять зна-

ки внимания, не отказывала себе в этом и при французском дворе.

Король начал ревновать жену, видимо, отдавая себе отчет в собственной супружеской несостоятельности. Летом 1147 г., отправляясь в крестовый поход, он решил взять королеву с собой, чтобы предотвратить измену с ее стороны. Так Алиенор оказалась в Святой земле, где произошли события, существенно отразившиеся на истории Франции и Англии.

По дороге в Иерусалим королевская чета остановилась в Антиохии у правившего здесь дяди Алиенор Раймонда Гиенского. Ночи Алиенор проводила одна. Поэтому, когда однажды в ее спальню проник неизвестный, она разделила с ним постель. Кем был этот случайный любовник, остается невыясненным. Хронист Матье де Пари писал: «Эта сумасшедшая женщина опозорила себя, совершив супружескую измену с неверным, сыном дьявола», то есть с сарацином. Но возможно, счастливец был сам Раймонд Гиенский, который, пользуясь куртуазными правилами поведения, открыто ухаживал за племянницей.

Через несколько дней Людовик застал их вдвоем наедине в опасной близости друг к другу. Он бросился на Раймонда, но Алиенор заслонила князя. В перепалке королева заявила, что, по-видимому, вышла замуж не за короля, а за монаха. Людовик рассвирепел. Он называл ее публичной девкой и кровосмесительницей. В ответ Алиенор ядовито заметила,

что он сам является кровосмесителем, потому что между ними тоже существуют прямые родственные связи.

После этой бурной сцены Людовик решил поскорее покинуть Антиохию. Алиенор, отказывающуюся сделать это, он приказал просто выкрасть. Несколько дней супруги не разговаривали. Наконец Алиенор снизошла до примирения и супружеские взаимоотношения возобновились. После возвращения во Францию королева продолжала вести себя вызывающе, поощряя многочисленных поклонников, и Людовик решил развестись, не понимая, что вместе с женой потеряет треть Франции – принадлежащие ей графства Аквитании.

В марте 1152 г., к обоюдной радости, супруги оказались свободны. Огорчила Алиенор только необходимость расстаться с двумя дочерьми, которые остались при французском дворе. Однако она быстро утешилась. Бывшая королева перебралась в Пуатье и создала там Двор любви – кружок молодых рыцарей, дам и трубадуров, которые вели себя в соответствии с правилами куртуазных отношений.

Вокруг бывшей королевы Франции начали виться искатели ее руки. Вскоре здесь появился молодой и красивый Генрих Плантагенет, граф Анжуйский и Туреньский. Они были знакомы еще по Парижу и, возможно, уже тогда не ограничились платоническими отношениями. Известно, что Алиенор пообещала ему свою руку, когда брак с Людовиком будет расторгнут. Граф поймал ее на слове, и 18 мая 1152 г. состоялась свадьба, в результате которой Франция получила

сильного и опасного соседа.

Между тем Плантагенет, бывший внуком Вильгельма Завоевателя, имел прямые права на английский престол. Английский король Стефан сделал его своим наследником. В 1154 г., после смерти короля, Генрих Плантагенет стал Генрихом II Английским, а Алиенор вновь обрела королевскую корону. Их огромные владения на материке тоже отошли к Англии. И именно это в будущем создало предпосылки для одной из самых длительных войн в истории человечества – Столетней войны.

Между тем отношения между королем и королевой были далеки от идеальных. Теперь ревновала уже Алиенор. Генрих был женолюбив и быстро обзавелся любовницей. Узнав об этом, королева пришла в ярость и пригрозила, что задушит соперницу. Генрих, зная темперамент супруги, испугался и переселил предмет своей страсти из королевского замка в укромный домик в Вудстоке. А чтобы жена успокоилась, решил отправиться с ней во французские владения.

В Пуатье Алиенор вновь оказалась в атмосфере томного юга, любимого ею и так непохожего на сумрачную Англию. Здесь она встретилась с провансальским трубадуром Бернардом де Вентадорном. Их отношения развивались в полном соответствии с законами куртуазной любви. Поэту было предложено терпеливо ждать награду.

Три года влюбленные находились в переписке. Но вот Алиенор вновь прибыла в Пуатье на рождественские празд-

ники. Там ее уже ждал преданный Бернард. Они стали любовниками. А вскоре королева возвратилась в нелюбимую Англию², везя с собой последнюю песнь Бернарда:

«Что ж, пусть она свою любовь забудет,
Но в сердце раненом моем
Свидетельство любви жить вечно будет».

Алиенор не забыла возлюбленного. Много раз она возвращалась в Пуатье, где ее ждал Бернард и члены нового Двора любви – двадцать дам, несколько трубадуров и рыцарей. Они следовали кодексу любви, включавшему 31 пункт, например: «Брак не может быть препятствием для любви», «Кто не умеет скрывать, тот не умеет любить», «Если ты искренне любил, то обязан хранить верность после смерти любимого (или любимой) в течение двух лет», «Любовь не терпит скупости», «Доступность в получении наслаждений уменьшает их ценность, а трудность – увеличивает», «Настоящий любовник всегда робок» и др.

Члены кружка изучали проблемы любви, обсуждая довольно деликатные вопросы и давая подчас весьма откровенные ответы для их решения. Темой одной из дискуссий, например, как свидетельствует историк Ги Бретон, была следующая: «Возможна ли настоящая любовь между супругами?» Члены Двора любви пришли к выводу: «...супруги не могут

² До самой смерти Алиенор подписывалась «королева Англии благодаря гневу Божьему».

по-настоящему любить друг друга. И вот почему: любовники отдают друг другу все, взаимно и бесплатно, не будучи связанными никакими обязательствами, в то время как супруги вынуждены терпеть друг друга из чувства долга и не могут ни в чем друг другу отказать...» А на вопрос, может ли женщина отказать бывшему любовнику в близости, если вышла замуж за другого, был дан ответ: «Замужество не исключает права бывшей связи, если только сама дама не откажется от первой любви полностью и навсегда». Нет сомнений в том, что все присутствующие стремились вести себя соответствующим образом, соблюдая правила, которые даже в наше время многие сочли бы безнравственными.

Шли годы. Жизнь королевы проходила в разлуке с мужем. В Лондон она приезжала только, чтобы повидаться с детьми. От Генриха у нее было трое сыновей. Все они были очень привязаны к матери, а она защищала их от деспотичного отца. Оставленных во Франции дочерей в какой-то степени ей заменила французская принцесса Маргарита: дочь ее бывшего мужа и его новой жены была в трехлетнем возрасте просватана за ее старшего сына и, по обычаю, воспитывалась при английском дворе. Алиенор была добра к девочке и очень заботилась о ней.

Когда сыновья восстали против отца, Алиенор безоговорочно приняла их сторону. Во время военных действий королева была захвачена в плен под Шиноном и заточена в башню Солсбери. Мятеж длился два года. После примире-

ния с сыновьями Генрих отказался дать королеве свободу. В заточении она пробыла 16 лет, до 1189 г.

После смерти отца ее освободил средний сын, Ричард, ставший королем. Ричард I Львиное Сердце был любимым сыном королевы. Рыцарь до мозга костей, он стал одним из предводителей третьего крестового похода и, возвращаясь в Англию из Иерусалима, в Германии попал в плен. Император Священной Римской империи Генрих IV скрывал это обстоятельство, и королева терзалась от неизвестности. Она разослала по всей Европе лазутчиков. Легенда повествует, что трубадур Блондио, вместе с которым Ричард часто писал стихи, услышал, как в одной из крепостей на берегу Дуная кто-то поет сочиненную им вместе с королем песню. Семидесятидвухлетняя королева сама отправилась к императору и выкупила сына за огромную по тем временам сумму – 100 тыс. марок серебром.

Теперь Алиенор могла спокойно вернуться в любимую Аквитанию. Там она и прожила остаток жизни. Умерла королева в аббатстве Фонтевро. Она прожила 82 года – прожила ярко и, если отвлечься от пуританской морали, вполне достойно. Во всяком случае, в злобных и кровавых интригах ее никто никогда не подозревал. И пожалуй, ни одна из исторических героинь того времени так ярко не воплотила в себе романтические черты эпохи, связанные с культом Прекрасной Дамы, любовью, страстью и их вечной спутницей – поэзией. Ей наверняка могли бы быть посвящены слова из

песни, которую пел Ричард Львиное Сердце в заточении:

«Нельзя, мадам, такой красивой быть.
Кто видел вас, не мог не полюбить».

Андреева Мария Федоровна

Урожденная Юрковская, по мужу Желябужская (род. в 1868 г. – ум. в 1953 г.)

Знаменитая русская актриса Московского Художественного театра, гражданская жена А. М. Горького.

«Из взбитых сливок нежный шарф...
Движенья сонно-благосклонны,
Глаза насмешливой мадонны
И голос мягче эха арф».

Какая же женщина так пленила Сашу Черного, кому он посвятил строки этой «Почтительной акварели»? В начале стиха стоят таинственные инициалы «М. Ф.». За ними скрывается многогранная и необъяснимая в своих страстях и поступках Мария Федоровна Андреева. Для поклонников театра она – знаменитая актриса МХТ, для ценителей творчества Горького – любимая женщина, гражданская жена, друг и секретарь писателя, для старых большевиков – член партии с 1904 г., «верный солдат революции» и «товарищ Феномен»; такая разноплановая и разноликая, что по событиям ее жизни можно написать не один авантюрно-приключенческий роман.

Машенька родилась 4 июля 1868 г. в Петербурге в известной театральной семье. Ее отец, Федор Александрович Федоров-Юрковский, предпочел карьере морского офицера сценическую. Он был актером, а затем главным режиссером Александрійского театра, где играли ее мать,

Мария Павловна Лелева-Юрковская, и младшая сестра, Надежда Юрковская (Кякшт). В их доме часто бывали видные ученые, писатели, артисты, художники. Все жили интересами театра, и судьба Машеньки была predetermined от рождения. К тому же она была прехорошенькой. Отец пы-

тался воспитывать дочь в строгости, «требовал одевать в самые некрасивые платья», заставлял наголо состригать прекрасные рыжевато-каштановые кудри и приучал к домашнему труду. Но воспитательные эксперименты родителя сходили на нет, лишь только за ним закрывалась дверь. Бабушка, бездетная тетка и мама баловали свою красавицу как только могли. Милое детское личико рисовали Крамской и Репин – Илья Ефимович писал Машу в восемь, десять и в двенадцать лет. А когда ей исполнилось пятнадцать, она стала его моделью для донны Анны к иллюстрациям «Каменного гостя» Пушкина.

Юная красавица, окончив гимназию и драматическую школу, начала свою сценическую деятельность в 1886 г. в казанской антрепризе Медведева. Она была создана для театра: бархатный чарующий голос, пленительная грация точной фигурки, яркий темперамент и вкрадчивая чувственность – все в ней было естественно и завораживало. А глаза искрились, словно драгоценные камни, которыми ее вместе с букетами цветов осыпали поклонники, лстя себя надеждой на благосклонность юной примадонны. Но Машенька была умной девушкой, цену себе знала, на легкий флирт не разменивалась и в спутники жизни выбрала действительного статского советника, впоследствии главного контролера Курской и Нижегородской железных дорог и статского генерала, Андрея Алексеевича Желябужского. Супруг был старше на 18 лет, но обладал приличным капиталом и поклади-

стым характером. А главное, он был не против работы Машеньки в театре, так как и сам состоял членом Общества искусства и литературы и членом правления Российского театрального общества.

Ведение домашнего хозяйства, рождение сына Юрия (1888 г.) и дочери Екатерины (1894 г.) стали для молодой избалованной женщины серьезным испытанием, отдаляя возможность играть на профессиональной сцене. В Казани ей приходилось довольствоваться любительскими постановками. По счастью, Андрей Алексеевич получил новое назначение в Тифлис, где супруги вступили в Артистическое общество, которое объединяло лучшие театральные силы города. Они вместе выступали на сцене местного театра под общим псевдонимом Андреевы, который Мария Федоровна оставила за собой на всю жизнь.

Именно в Тифлисе взошла ее артистическая звезда. Местный театр трещал от поклонников. Темпераментные южные мужчины были опьянены ее божественной красотой и голосом. Андрей Алексеевич с неудовольствием наблюдал за ростом популярности своей супруги. За пять лет она сыграла целый ряд разнообразных ролей – от водевильных простушек до Ларисы в «Бесприданнице» Островского. Пресса отмечала не только сценический дар Марии Федоровны, но и большую музыкальность, особенно после выступления в главной роли в оперной постановке «Миньона» Тома. Уроки пения она брала у певицы И. М. Зарудной и имела широ-

чайший диапазон – от нижнего соль до верхнего ля. Вскоре весь Тифлис был у ног Андреевой. В ее честь один за другим следовали обеды и банкеты. Однажды некий влюбленный грузин после витиеватого тоста осушил бокал, а затем съел его, чтобы «никто не посмел пить из моего бокала» после таких слов. Муж в этот момент случайно перехватил чувственный, призывный взгляд Машеньки, адресованный во все не ему. Андрей Алексеевич понял, что из Грузии пора уезжать от греха подальше, и выхлопотал перевод в Москву. Он полагал, что его импульсивную, взбалмошную по натуре жену смогут удержать рамки московского высшего общества. Как же он заблуждался!

Москва сразу наполнилась слухами о прелестной и талантливой актрисе. И следует отметить, что на сцене Мария Федоровна и впрямь была царицей. Свое театральное мастерство она шлифовала постоянно, окончила Московскую консерваторию. Ее учителем и партнером на сцене Общества искусства и литературы стал Константин Сергеевич Станиславский. Также она брала частные уроки у знаменитой актрисы Н. М. Медведевой – учительницы непревзойденной М. Н. Ермоловой. Спектакли с участием Андреевой собирали аншлаги. За три сезона Мария Федоровна сыграла одиннадцать ролей. Она дебютировала в пьесе Островского «Светит, да не греет», а затем была Юдифь («Уриэль Акоста»). Актрису хвалили за искренность, чувство меры, поэтичность и пленительную женственность. Она купалась

в лучах славы, создав шекспировские образы Геро («Много шума из ничего») и Оливии («Двенадцатая ночь»). Но ярче всего ее дарование раскрылось в роли Раутенделейн в «Потонувшем колоколе» Гауптмана. Зал застывал в восхищении, покоряясь воздушному, романтическому, полному диковатой грации образу, созданному Андреевой. Ее голос, «звучащий серебристым звоном лесного ручья», зачаровывал, оставляя неизгладимое впечатление у публики.

Казалось, что еще нужно женщине – любовь зрителей, восторженная пресса, богатый респектабельный дом, муж, получающий чины, награды и удовлетворяющий любой каприз. Высокопоставленный светский круг общения. Слава. Признание. Богатство. Сама великая княгиня Елизавета Федоровна писала портрет Андреевой. Но всего этого оказалось мало не знающей угомон душе. Семейное счастье оказалось недолговечным. Муж встретил и полюбил другую женщину, да и сама Андреева не осталась равнодушной к репетитору сына Дмитрию Ивановичу Лукьянову. Позже она скромно написала в мемуарах: «Еще в 1896 году я перестала быть женою Андрея Алексеевича Желябужского. Причины нашего разрыва были на его стороне. Я сказала ему, что соглашаюсь жить с ним в одном доме как мать своих детей и хозяйка – ради детей».

Внешне все оставалось благопристойно и вполне респектабельно: роскошная квартира, дорогие наряды и блеск драгоценностей, которые так любила Мария Федоровна. Счаст-

ливая жизнь светской женщины. Никто из друзей не подозревал, что она увлечена другим мужчиной и серьезно разделяет его революционные интересы. Андреева, со свойственной ей страстностью, включилась в подпольную работу ставропольского студенческого землячества. Свободные от сцены вечера проводила в спорах на политические и философские темы. Переводила с немецкого и тщательно изучала «Капитал» К. Маркса. Партия большевиков очень нуждалась в таком «товарище» с огромными светскими связями, и вскоре Андреева стала выполнять поручения Московского социал-демократического центра по хранению и транспортировке нелегальной литературы, принимала участие в работе Красного Креста. Пользуясь своими многочисленными знакомствами, она взяла на себя «легализацию подпольщиков, снабжение их документами и трудоустройство».

Даже бурный роман с богатым предпринимателем Саввой Морозовым был изначально запланирован В. И. Лениным и Л. Б. Красиным, чтобы выкачать из него побольше денег на революцию. Андреева и сама была заинтересована в этой интрижке – в творческом плане. Под покровительством влюбленного мецената она могла прочно занять ведущее место на театральных подмостках Москвы. Не оставляя ни подпольной, ни сценической деятельности, Мария Федоровна окунулась в создание Московского художественно-общедоступного театра, где она должна была быть единственной прямой. Морозов выделил на строительство 500 тыс. рублей и

стал совместно с В. И. Немировичем-Данченко содиректором и крупнейшим пайщиком МХТ. Ради прекрасных глаз возлюбленной Саввушка влезал не только в финансовые дела театра, но и в репертуар, требуя для своей обожаемой Машеньки главных ролей. Станиславский, понимая «полезность» Андреевой, соглашался с требованиями щедрого мецената, а Немирович-Данченко отстаивал негласную царицу Художественного театра и свою ученицу О. Книппер-Чехову.

Конечно, Марию Федоровну это очень обижало, ведь она по праву была соучредительницей театра, участвовала в подготовке Устава, привлекала меценатов, договаривалась с подрядчиками. Станиславский спокойно переложил на ее плечи ведение рутинных дел и целиком отдался творчеству. Андреева несколько лет мужественно выполняла эти обязанности, лишь бы играть ведущие роли в профессиональном театре. За шесть сезонов она с боем отстояла для себя 15 главных ролей в пьесах Чехова, Островского, Гауптмана, Ибсена, Шекспира. Пресса превозносила ее до небес. Театральный критик С. Глаголь после возобновленной постановки «Потонувшего колокола» писал: «Г-жа Андреева, чудесная златокудрая фея, то злая, как пойманный в клетку зверек, то поэтичная и воздушная, как сказочная грёза». А С. Васильев в газете «Новости» добавлял, что в роли Оливии «она была так изящна и красива, настолько соответствовала шекспировскому образу, что напрашивалась на полотно ху-

дожника».

Этапной ролью в творчестве Андреевой стал образ Кете в пьесе Гауптмана «Одинокие» (1899 г.) – в нем с особой силой проявилось ее лирическое дарование. В этой роли она выходила на сцену 73 раза. Известная актриса В. Л. Юрьева вспоминала свое впечатление от игры Марии Федоровны: «Я до сих пор помню лицо Кете после самоубийства Иоганнеса: Кете падает на пол с зажженной свечой, и пламя играет в ее расширенных, застывших от ужаса глазах. Вообще М. Ф. Андреева в этой роли была так трогательно беспомощна, нежна и прекрасна, что обычное сравнение страдающей женщины со сломанным цветком на этот раз вполне выражало то, что видела публика».

Актриса была несравненной Ириной в «Трех сестрах» Чехова, необузданной, демонической Эддой Габлер, сказочным Лелем, тоскующей по любви Верой Кирилловной («В мечтах» Немировича-Данченко)... В сезоне 1902–1903 гг. доминирующее положение в театре с подачи Андреевой и Морозова заняли пролетарские пьесы Горького. В «Мещанах» роли ей не нашлось. Режиссеры утверждали, что ее внешние данные не подходят для изображения людей из народа. Но в пьесе «На дне» Мария Федоровна потребовала и получила роль Наташи. Писательница Щепкина-Куперник говорила, что все герои спектакля «целиком вырваны из жизни и перенесены с Хитровки на сцену. А посреди них, как цветок на пожарище, Наташа – Андреева, кутающаяся в

свой длинный платок».

Но все чаще и чаще до Марии Федоровны доходили слухи, что она актриса «полезная», а О. Книппер – «до зарезу необходимая». Излишнее самолюбие не позволяло ей ужиться с не менее талантливой актрисой, а тем более уйти на второй план. Интриги с ее стороны и вмешательство Морозова только накаляли обстановку. Савва Тимофеевич и Немирович-Данченко – два содиректора – даже перестали здороваться. Андреева с возмущением и обидой писала Станиславскому, что он ее неправомерно обвиняет «в небрежном отношении к театру» и в том, что она стала «банальной актрисой». «Мое самолюбие не раз приносилось в жертву, раз это было нужно вам или делу». Конечно, и Станиславский, и Немирович-Данченко часто бессовестно эксплуатировали неотразимую красоту актрисы и поощряли ее связь с Морозовым, пока театр становился на ноги. А теперь Константин Сергеевич, не задумываясь, обидел Андрееву, написав ей в письме: «Отношения Саввы Тимофеевича к Вам – исключительные. Это те отношения, ради которых ломают себе жизнь, приносят себя в жертву, и Вы знаете это и относитесь к ним бережно и почтительно. Но знаете ли Вы, до какого святотатства Вы доходите? Вы хвастаетесь публично перед посторонними тем, что мучительно ревнующая Вас Зинаида Григорьевна (жена Морозова) ищет Вашего влияния над мужем. Ради актерского тщеславия Вы рассказываете направо и налево о том, что Савва Тимофеевич, по Вашему настоя-

нию, вносит целый капитал... ради спасения кого-то. Если бы Вы увидели себя со стороны в эту минуту, Вы согласились бы со мной...» Конечно, это было правдой. Но упрекнул ее в этом человек, спокойно получающий деньги из ее рук, которые Морозов давал только ради своей несравненной Машеньки.

Разрыв Андреевой с театром был горьким, ведь она стояла у истоков его создания, отдавала все силы служению сцене. Да, ее не хватило полной мерой на творчество. Мария Федоровна была натурой увлекающейся и верящей в свое актерское предназначение, она не понимала, как можно жить только одним театром, когда вокруг бурлят политические страсти, не могла спокойно выходить на сцену, зная, что товарищи по подполью гниют в тюрьмах. Революционная деятельность притягивала Андрееву как магнитом, щекотала нервы, требовала не меньшей отдачи, чем сцена. Мария Федоровна ушла из театра (1904 г.), написав Станиславскому – человеку, который так много значил в ее актерской судьбе: «Художественный театр перестал быть для меня исключением, мне больно оставаться там, где я так свято и горячо верила, что служу идее... Я не хочу быть брамином и показывать, что служу моему богу в его храме, когда сознаю, что служу идолу, и капище только лучше и красивее с виду. Внутри него – пусто». Конечно, она преувеличивала, но обида клокотала в ней. Напоследок она сумела рассорить Станиславского и Немировича-Данченко и, громко хлопнув две-

рю, увела за собой Морозова. Савва Тимофеевич демонстративно вышел из правления театра, впрочем, он еще не догадывался, что для любимой Машеньки он тоже пройденный этап.

Актриса увлекла его планами создания нового театра совместно с Горьким, труппой Комиссаржевской и антрепризой Незлобина, с которой она играла в Старой Руссе. Эту идею по многим причинам осуществить не удалось. Андреева выступала в провинциальных театрах, по-прежнему пользовалась огромным успехом у зрителей и прессы, но после отточенных постановок МХТ наспех готовящиеся спектакли не удовлетворяли ее. Да и роль провинциальной актрисы не соответствовала ее амбициям. Кроме того, Мария Федоровна избрала для себя сцену политической борьбы. Ей импонировали экстремальные условия жизни – пароли, явки, обыски, спасение раненых большевиков (Баумана). И во всем ей помогал Морозов: субсидировал издание ленинской «Искры», газет «Новая жизнь» в Петербурге и «Борьба» в Москве, нелегально перевозил типографские шрифты, прятал и устраивал на работу на своих фабриках наиболее ценных товарищей – словом, собственными руками «рыл яму» своему делу.

Безоглядно влюбленный Савва Тимофеевич даже не заметил, как между Марией Федоровной и его другом А. М. Горьким вспыхнуло настоящее чувство. Андреева познакомилась с Алексеем Максимовичем еще в 1900 г. в Ялте,

как и в случае с Морозовым – по поручению Ленина, чтобы привлечь к революционной деятельности пролетарского писателя. «Наша дружба все больше крепла, – писала Андреева, – нас связывали общность во взглядах, убеждениях, интересах. Мало-помалу я входила во все его начинания, знала многих, стоявших к нему более или менее близко. Он присылал ко мне людей из Нижнего с просьбами устроить их, сделать то или другое... Я страшно гордилась его дружбой, восхищалась им бесконечно...» «Любезный Саввушка» был потрясен, когда на одном из приемов он прочитал дарственную надпись к поэме Горького «Человек»: «У автора поэмы крепкое сердце, из которого любимая женщина может сделать каблучки для своих туфель». Экземпляр принадлежал Андреевой. Это был жестокий удар по чувствам Морозова, но ради счастья любимой женщины он был согласен и на роль друга.

В конце 1903 г. Мария Федоровна стала гражданской женой Горького. Он расстался с Екатериной Пешковой, законной супругой и матерью его двоих любимых детей, но сохранил с ней добрые отношения до конца жизни. Однако то, что общество могло простить пролетарскому писателю, оно не простило Андреевой. Ее адюльтер осуждали, критиковали, порицали, особенно после того как она, переложив опеку над своими детьми Юрой и Катей на свою сестру, стала жить только проблемами любовника. Мария Федоровна посмеивалась: «Вот оно, возмездие за дурное поведение! О-о-

о! И как мне было весело и смешно. Весело, что я ушла от этих скучных и никому не нужных людей и условностей. И если бы я была совершенно одна в будущем, если я перестану быть актрисой, – я буду жить так, чтобы быть совершенно свободной! Только теперь я чувствую, как я всю жизнь крепко была связана и как мне было тесно...»

Наверное, это и впрямь была настоящая любовь. Андреева не прислушивалась ни к злобным нападкам, ни к голосам друзей. Для нее теперь существовали только «его голубые глаза из-под длинных ресниц и обаятельная детская улыбка». Трудно представить рядом двух столь несхожих людей. При всей страстности натуры Мария Федоровна внешне всегда была невозмутимо хладнокровна и сдержанна в эмоциях, одевалась изысканно у самых дорогих модисток и не только имела вид рафинированной светской дамы – она ею была. А «буревестник революции» был на удивление слезлив и излишне непосредствен в выражении чувств. Костюм носил «собственного изобретения» и, как вспоминал Ю. Аненков, «всегда был одет во все черное. Он носил косоворотку тонкого сукна, подпоясанную узким кожаным ремешком, суконные шаровары, высокие сапоги и романтическую широкополую шляпу, прикрывающую длинные волосы, спадавшие на уши». Даже внешне у них было мало точек соприкосновения. Образованная потомственная дворянка и писатель-самоучка...

Андреева произвела на Горького неизгладимое впечат-

ление, увлекла революционными идеями и прониклась его устремлениями. Она пожертвовала во имя любви к нему всем: своей артистической карьерой, возможностью блистать в обществе и быть рядом с детьми, благополучным бытом. Теперь ее беспокоил его кашель, аппетит, покой и комфорт. Это стало единственной целью в жизни, и она щедро отдавала себя заботам о любимом. Правда, первое время Андреева еще довольно часто выступала в любительских труппах и всегда имела огромный успех. Но во время очередного спектакля в Риге в 1905 г. Мария Федоровна сильно расшиблась, упав в открытый люк. Спасти ребенка, которого она ждала от Горького, врачам не удалось, да и сама она еле выжила после перитонита. В бреду Андреева постоянно звала Алешу, но рядом с ней неотлучно находился преданный Морозов. Горького арестовали в Риге при попытке навестить ее, и он мучился неизвестностью в застенках Алексеевской рavelина.

Андреева, не успев как следует оправиться после болезни, использовала все связи, чтобы вытащить Горького из тюрьмы. На нее саму в охране было заведено не одно дело за участие в революционных событиях 1905 г. Ведь даже в московской квартире, где она проживала с Горьким, Красин изготавливал самодельные бомбы, а дом охраняли дружинники Камо. Остаться в России было чрезвычайно опасно, и Ленин поручил Алексею Максимовичу поездку в США для сбора средств в фонд революции. Горький согласился ехать

только в сопровождении «друга и товарища Маруси». Для большевиков это была двойная удача – пролетарский писатель и «товарищ Феномен» (эту подпольную кличку Андреева получила лично от Ленина), член РСДРП с 1904 г., были ударной силой. Партия очень нуждалась в деньгах. Морозовские миллионы были потеряны. Савва Тимофеевич перенес тяжелую депрессию из-за разрыва с любимой, а тут еще и забастовки на его фабриках. Несмотря на помощь революционерам, для рабочих он оставался угнетателем. Властная мать и жена объявили его душевнобольным и увезли лечиться за границу. Состояние здоровья Морозова улучшилось, но вдруг пришла трагическая весть: Савва застрелился. По всей видимости, он все же был убит, ведь свидетели видели, как после выстрела в окно выскочил рыжеволосый мужчина (по одной из версий, им был Красин). Но даже смерть Саввы Тимофеевича принесла большевикам дивиденды: свой страховой 100-тысячный полис Морозов оформил на Андрееву, она спустя год выиграла судебное дело у родственников и после уплаты всех процентов 60 тысяч рублей передала партии.

В феврале 1906 г. Горький и Андреева выехали в Америку. Мария Федоровна последний раз вышла на сцену еще в октябре 1905 г., чтобы сыграть роль Лизы – самый сложный женский образ в горьковской пьесе «Дети солнца». Теперь на многие годы ей предстояло забыть о театре. Но Андреева верила, что она – то нужное «колесико», без которого дело

революции остановится, да и жизнь свою без Алексея Максимовича не представляла. Сердце болело только за детьми. Она писала сестре: «Как я плачу тяжелыми горькими слезами, когда пишу. Потому что мне мучительно, до крика хочется быть дома, с детьми, с тобой, со всеми вами! Я хочу быть с вами, хочу, хочу, хочу, хочу! И так все чуждо и нелепо мне, среди чего я живу...»

Америка встретила их восторженно. Горький и Андреева везде представлялись супружеской парой. В их честь устраивались банкеты, пресса пестрела статьями. Но и царское правительство не дремало: через газеты пуританам-американцам сообщили, что брак этой пары не освящен церковью. Горький и Андреева оказались серьезно скомпрометированы: он – анархист и двоеженец, она – падшая женщина. Их начали травить на улицах, выселять из гостиниц: «Здесь вам не Европа». Мария Федоровна не ожидала такого позора, но после категоричного заявления Горького журналистам: «Она моя жена. И никакой закон, когда-либо изобретенный человеком, не мог бы сделать ее более законной женой. Никогда еще не было более святого и нравственного союза между мужчиной и женщиной, чем наш», – успокоилась. Шумиха постепенно утихла. Горький выступал на митингах, писал статьи в газеты, работал над романом «Мать». Мария Федоровна во всем ему помогала. Денег удалось собрать немного – всего 10 тысяч, но они блестяще справились с другой партийной задачей: им удалось дискредитировать царское пра-

вительство, и Штаты отказали России в займе в полмиллиарда долларов.

Возврата на родину теперь для них не было. Влюбленные уехали на Капри. Алексей Максимович очень нуждался в лечении, и Андреева стала для него не только секретарем, переводчиком, другом, любовницей, но и заботливой сиделкой. Многочисленных друзей и почитателей, гостивших у них, до глубины души трогало, с какой любовью эта блистательная, талантливая женщина относилась к Горькому. Саша Черный в «Почтительной акварели» заметил:

«Ей-богу, даже вурдалак
Смягчился б сердцем, если б в лодке
Услышал голос кроткий-кроткий:
«Алеша, ты б надел пиджак...»
Имел бы я такую мать,
Сестру, свекровь иль даже тетку,
Я б надевал, влезая в лодку,
Под шубу пиджаков штук с пять...»

Гостей бывало изрядно, и всех надо было принять, устроить, накормить. Несколько раз приезжал Ленин. Жили влюбленные не роскошно, но достойно. Большая часть значительных писательских гонораров перекачевывала в партийную кассу. Мария Федоровна, привыкшая жить на широкую ногу, часто нуждалась в деньгах. Она серьезно занялась переводами произведений мужа на французский, немецкий, ита-

льянский, которые знала в совершенстве, и с этих языков на русский («Тридцатилетняя женщина» Бальзака). Андреева собрала и перевела на русский итальянские сказки, текст которых затем отшлифовал Горький и они стали одной из его знаменитых книг. Самой большой радостью для нее были непродолжительные встречи с повзрослевшими детьми. О своих отношениях с Горьким она написала своему старому другу Николаю Буренину: «Были периоды, и очень длительные, огромного счастья, близости, полного слияния, но эти периоды всегда были бурными и сменялись столь же бурными периодами непонимания, горечи и обид». Самыми тяжелыми моментами в личной жизни Марии Федоровны были встречи с Екатериной Пешковой. Законная жена не признавала ее существования. «Меня он любил горячо, но прошлое тянуло его в сторону, а я не понимала этих возвратов. Е. П. – что! Маленькая женщина, недобрая, и мне думается, никогда не любившая Алексея Максимовича. Если бы не Е. П., вся бы жизнь Макса [сын Горького], Алексея Максимовича и моя сложилась бы по-другому». Мария Федоровна была убеждена, что только Пешкова была виновата во всех сложностях их взаимоотношений с Горьким. Своей вины она не допускала. Но, видимо, недаром она очень плотно заполняла работой каждый день, «чтобы к вечеру устать и уснуть, и не видеть снов, потому что хороших снов я не вижу...»

В феврале 1913 г., в связи с 300-летием дома Романовых, в России была объявлена политическая амнистия. Андреева

смогла наконец-то вернуться домой. Ей было тяжело оставлять Алексея Максимовича, да и он сильно тосковал без нее, и она каждый день писала на Капри. Мария Федоровна оставалась под гласным надзором полиции, и зрители не дождались ее появления на московской сцене. Ей было разрешено работать в Одессе и Клеве. Мхатовцы подтвердили охранке, что Андреева необходима им на гастролях. Первое выступление в спектакле «Одинокие» показало, что ее артистическое мастерство не угасло. Киев восторженно приветствовал возвращение блистательной Андреевой на сцену. Но закрепиться в МХТ не удалось – очень много было противников ее «воцарения» в родном театре. Мария Федоровна выступала в Свободном театре К. А. Марджанова (1913 г.), сезон 1914–1915 гг. отыграла в труппе Синельникова в Клеве. Она являлась «крупным приобретением» для этих театров, но по старой привычке пыталась навязать революционный репертуар, «переосмыслить на сцене роль», что вносило дисгармонию в игру сложившихся трупп. И все же чаще всего именно Андреева своим мастерством вытягивала весь спектакль.

В 1914 г. в Россию вернулся Горький. Они поселились в Мустамяки. Мария Федоровна много внимания уделяла его издательским делам, выступала с концертами перед рабочими, собирала средства для подпольщиков под неусыпным надзором охранки. После революции 1917 г. Андреева была назначена комиссаром театров и зрелищ в Петрограде. Здесь ее энергия, самоотдача и организационный та-

лант нашли широчайший простор для деятельности. Она организовывала фронтовые труппы и массово-театрализованные представления, формировала революционные театры и, главное, стояла у истоков создания и принимала непосредственное участие в становлении нового классического театра – Большого драматического. На его сцену комиссар Андреева выходила властолюбивой леди Макбет, графиней де Бюри («Дантон» М. Левберг), а нежная Дездемона стала ее последней актерской работой.

Известна также и другая, но неблагоприятная роль Андреевой, которую она сыграла как комиссар экспертной комиссии в распродаже художественных ценностей, включая и картины из собрания Эрмитажа. Великие произведения искусства в письме к Ленину она называла «ценным хламом» и имела «большие надежды добыть за них денег в хорошей валюте». Мария Федоровна легко освоила область внешней торговли, поэтому ее назначили заведующей художественно-промышленным отделом Советского торгпредства в Германии (1921 г.), а с января 1922 г. она параллельно занимала пост уполномоченного Наркомвнешторга по делам кинематографии за границей. Вот где ей понадобились врожденные манеры светской дамы и дипломатическое мастерство. Она прекрасно исполняла свои роли и была настолько эффективна, что даже снялась в двух немецких фильмах (1926 г.). Приняла Андреева деятельное участие и в создании материальной базы советского кинопроизводства, а ее сын Юрий

Желябужский стал одним из признанных деятелей кинематографа, кинорежиссером и оператором.

Мария Федоровна по-прежнему поддерживала отношения с Горьким, но теперь это была только дружеская связь. Тема их страстной любви оказалась под негласным запретом. Двадцать лет личной жизни были посвящены Алексею Максимовичу. Отдав ему всю себя, она оказалась выброшенной из привычного ей круга и образа жизни. Недаром Буренин в 1931 г. писал ей: «Вы не могли бороться так, как вам надо было, чтобы остаться той «Марией Федоровной», которая когда-то блистала среди звезд первой величины... Ореол сам собой исчез, с пьедестала вы сами сошли...» Только старый друг мог так откровенно написать о жертве, которую принесла эта женщина на алтарь любви и на благо революции. Разрыв с Горьким был спокойным, без истерик. Ее место заняла другая любовница – М. И. Закревская-Бенкендорф-Будберг. Мария Федоровна продолжала любить Алексея Максимовича и даже после его смерти призналась: «Я была не права, что покинула Алексея. Я поступила как женщина, а надо было поступить иначе: это все-таки был Горький...»

Одна она не осталась. В берлинском торгпредстве с Андреевой работал бывший секретарь писателя, Петр Петрович Крючков, по-домашнему Пе Пе Крю. Они стали любовниками. Драгоценный александрит, подаренный своей гражданской жене Горьким, перекочевал на палец Петра Петровича, который был младше Андреевой на 17 лет. Человек

этот был скользкий и малопривлекательный. После совместного возвращения в Россию (1930 г.) именно он принял участие в инсценировке смерти Максима, сына писателя. Этот факт всплыл спустя годы, как и то, что именно Крючков, сотрудник НКВД, передал в палату А. М. Горькому дорогую конфетную бонбоньерку с отравленным содержимым – знак внимания из Кремля. Через час писатель и двое угостившихся санитаров были мертвы. Профессор Петров «получил по заслугам» – 25 лет тюрьмы. Неизвестно, знала ли Андреева, что один ее любовник умертвил другого.

Вернувшись домой, Андреева по-прежнему мечтала выйти на сцену, но под благовидным предлогом – возраст – руководство театров ей отказало. Первое время она занималась художественными промыслами и была заместителем председателя правления «Кустэкспорт». Конечно, любую работу, которую ей поручала партия, она делала основательно, но душа тосковала о театральных подмостках. Должность директора Московского Дома ученых позволила Андреевой заняться организацией досуга людей науки и художественной работой с детьми. Но любимым ее детищем стала театральная студия А. Д. Дикого, которую она приютила в Доме ученых, с боем отстояв правомерность их «расквартирования на чужой территории». Многие студийцы и спустя годы вспоминали о живом, заинтересованном участии Марии Федоровны в их театральной жизни. Народный артист Г. П. Менглет рассказывал, каким строгим судьей и советчицей она

была, как откровенно, но почему-то совсем не обидно указывала на промахи, как стремительно налаживалась дисциплина при ее приближении, что только она могла усмирить резкого, несдержанного, но необычайно талантливого режиссера Дикого. Работа с людьми и для людей стала для нее последней отдушиной.

В 1949 г. Андреева ушла на покой. Москвичи могли часто наблюдать, как по Кропоткинской улице неспешно и одиноко прогуливалась пожилая, стройная и еще очень красивая женщина. Все торопились, проходя мимо по своим делам и не догадываясь, что это Мария Федоровна Андреева, прославленная актриса, приводившая в восторг публику еще при Александре III. Она по-прежнему была хороша, только морщины изрезали благородное точеное лицо театральной богини. И глаза, искрящиеся раньше, как драгоценные камни, были грустны, а изредка вспыхивали затаенной болью. Когда-то она была необыкновенно красива, любима и счастлива. Правда, она считала себя еще и свободной, но, как оказалось, до конца дней была очень зависима. У гроба Марии Федоровны 8 декабря 1953 г. говорили пламенные речи, вспоминали, что свою жизнь пламенная революционерка и солдат партии отдала служению народу, что она была достойна эпохи великих перемен. Но мало кто из провожающих Андрееву в последний путь знал, что революционное пламя обожгло ее увлекающуюся натуру и отобрало у этой женщины самое ценное, что было ей даровано свыше, – воз-

возможность остаться актрисой.

Бардо Брижит

(род. в 1934 г.)

Знаменитая французская киноактриса, сумевшая стать одновременно мировым секс-символом 60-х гг. и олицетворением Марианны – символом Франции.

«Когда у мужчины много любовниц, о нем говорят, что он донжуан. Когда у женщин много любовников, ее называют шлюхой... Где же справедливость?» – однажды с грустью заметила Брижит Бардо, которая до сих пор во всем мире считается олицетворением сексуальности и эротизма. В свое время зрители были настолько потрясены созданными ею экранными образами, что полностью отождествили актрису с ее героинями. Она и была такой: естественной и импульсивной, ищущей свое счастье среди всеобщего поклонения и «подглядывания в замочные скважины». Для миллионов людей Брижит стала женщиной, «которую создал Бог».

Будущая «белокурая колдунья» родилась в Париже 28 сентября 1934 г. в семье отставного военного и владельца небольшой фабрики Луи Бардо и его супруги Анн-Мари Мюсель. Она получила строгое классическое воспитание, в котором далеко не последнее место занимали хорошие манеры и навыки светской беседы. Даже трудно представить, что в детстве Брижит мучалась комплексом «некрасивости» и завидовала младшей сестренке, «хорошенькой куколке»: «Своей внешности я стыдилась. Все отдала бы, чтобы стать, как Мижану, с рыжими до пояса волосами и фиалковыми глазами и быть любимицей папы и мамы. Господи, ну почему у меня волосы тусклые и как палки, и косоглазие, и очки, и зубы выпирают, и приходится носить проволочку! Проволочка, к счастью, ничего не дала! Зубы у меня так и выпирали, и казалось, что я надула губы, – моя знаменитая на весь

мир гримаска!»).

В школе маленькая Брижит училась плохо, возглавляя в классе «двоячную тройцу», и ненавидела 1 октября – день, когда во Франции начинались учебные занятия. Зато в любимых танцах, которыми девочка занималась с малых лет, всегда была первой. Танцуя, она забывала о своих недостатках, комплексах и унынии: «Танец делал красивыми и душу, и тело. Мышцы растягивались и расковывались, я становилась гибкой, и стройной, и пластичной, чувствовала ритм и такт и слушалась музыки. От танцев у меня и эта посадка головы, и походка, которые называют «типично моими». Танец же научил меня дисциплине и придал выносливости». Недаром знаменитая актриса Жанна Моро заметила на съемках «Больших маневров», что «видеть, как она ступает, равносильно восприятию великолепной музыки». Когда Брижит исполнилось 12 лет, она прошла огромный конкурс (из 150 поступавших отобрали только 10), и была принята в балетную школу, где училась у самого Бориса Князева. Балет стал ее самым большим увлечением и мечтой – девушка хотела повторить судьбу своего кумира, знаменитой балерины Анны Павловой.

Однако когда Бардо исполнилось 15 лет, ее необычную внешность заметил профессиональный фотограф Вальтер Карон, и симпатичное личико с капризно надутыми губками появилось на обложке женского журнала «Эль». Этот снимок и предложение режиссера Марка Аллегри сняться в за-

думанном им фильме (но не снятом) вызвал в семье настоящий скандал: «Никаких актерок в доме!» На выручку пришел дед, заявив, что «если малышке суждено стать шлюхой, она ею станет, в кино или без. А не суждено – так и кино тут ничего не делает».

На кинопробах 15-летняя Брижит познакомилась с помощником режиссера Роже Вадимом (Вадимом Племянниковым), высоким, красивым юношей из семьи русских эмигрантов. Ее красота, упругое тело, знойный взгляд и сексуальная раскованность покорили 23-летнего молодого человека. Влюбленные поначалу не делали тайны из своих чувств и Вадим часто навещал Брижит в ее доме, но семья не очень-то приветствовала перспективу иметь такого зятя, считая его каким-то «неосновательным и несолидным», хотя и не лишенным обаяния. Родители решили отправить дочь на учебу в Англию. Для девушки это было трагедией, и Брижит совершила свою первую попытку самоубийства, сунув голову в духовку и открыв газ. Ее успели спасти, поездку отменили, но встречаться с Вадимом до совершеннолетия запретили.

Однако влюбленную Брижит ничто не могло остановить (так будет с нею всегда). Свидания продолжались и закончились тайным абортom в Швейцарии. Начинаящая актриса и школьница в то время больше мечтала иметь семью, нежели стать звездой киноэкрана. Да и первые небольшие роли ни успеха у публики, ни удовольствия не принесли («Будущие звезды», «Нормандская дыра»). Газеты лишь скупо отмети-

ли, что Бардо «очень женственна и обладает чувственной грацией». Но она не отказывалась даже от самых маленьких ролей. Молодой семье были нужны деньги. После трех лет незаконных отношений 21 декабря 1952 г. Роже и Брижит наконец-то смогли обвенчаться и были откровенно счастливы своей свободой от опеки.

Привлекательная внешность молодой актрисы постепенно сделала свое дело. От фильма к фильму росло и профессиональное мастерство. После удачной роли в «Больших маневрах» (1955 г.), где она снялась рядом с неотразимыми Жераром Филипом и Мишель Морган, Бардо получила некоторую известность и могла даже позволить себе «звездные» капризы. Так, играя роль Помпеи в итальянском фильме «Уик-энд с Нероном», Брижит по сценарию должна была принять знаменитую молочную ванну. Но вместо молока ей предложили искупаться... в крахмале. После бурной сцены, которую устроила «восходящая звезда», заявив, что не желает крахмалиться, как воротничок сорочки, его заменили молоком, правда, не ослиным и разбавленным водой, но все же это было лучше, чем противная крахмальная жижа. Однако к концу съемочного дня Брижит пришлось плескаться уже не в тепленьком приятном молочке, а в мерзкой створоженной простокваше. На другой день «звездные капризы» закончились – актриса согласилась на крахмал.

Так продолжалось до 1956 г., когда Роже Вадим, занявшись литературной деятельностью, написал специально для

жены сценарий и снял фильм «И Бог создал женщину», в котором Брижит сыграла свою первую главную роль. Эта картина решила судьбу актрисы и обрекла ее на громкую, но отчасти скандальную славу. По словам Бардо, это были самые лучшие съемки с начала ее карьеры: «Я не играла, я жила!». Действительно, выдуманную любовь своей героини актриса превратила в реальную. Она создала новый экранный тип девушки, «свой тип» – независимая, чувствующая свою власть над мужчинами, бросающая вызов лицемерной морали и живущая раскованно и дерзко.

Для молодежи Бардо стала кумиром, предметом подражания. Впрочем, во Франции картина не имела особого успеха, зато в американском прокате пользовалась феноменальной популярностью. Она принесла продюсеру доход в 6 млн долларов. Роже Вадим был признан лучшим европейским режиссером, а Брижит – новой звездой первой величины и французской секс-бомбой. Упиваясь достигнутым успехом, Вадим сказал о Брижит: «Это создание с повадками дикой кошки... Эта девушка соткана из противоречий: бунтует против своей среды, против ханжества. Она просто рождена для любви – между тем не имеет об этом ни малейшего представления... Ты будешь недостижимой мечтой женатых мужчин». Можно считать, что именно с этого времени и начался миф Брижит Бардо – «Б.Б.», а ее личная жизнь стала достоянием прессы, падкой на скандалы.

Ее отношения с партнером по фильму Жаном-Луи Трен-

тиньяном скрыть было невозможно. О драме, разыгравшейся на съемочной площадке между Брижит, Жаном-Луи и Роже Вадимом, моментально сообщили газеты, назвав актрису «пожирательницей мужчин», «ветреной и бесстыдной». Четыре года совместной счастливой жизни с Вадимом затмила новая любовь. «Я знал, что теряю ее, – говорил он. – Я быстро заметил, как у них рождается взаимная симпатия, любовь... Но все спустил на тормозах». Бывшие супруги после разрыва сумели сохранить хорошие отношения, а Вадим не долго был одинок. Он с легкостью покорял молоденьких актрис – Катрин Денев, Джейн Фонда... Как, впрочем, и Брижит. Новая любовь заполонила все ее существо. Она считала ее началом новой жизни, в которой у нее были только «Жан-Луи и телефон, ставший единственным источником информации».

Телесная и чувственная свобода стала основой ее экранных образов и в последующих фильмах Роже Вадима. Он как-то сказал: «Даже когда Брижит Бардо была одета в пуловер, она выглядела еще более нагой, чем если бы была на экране совсем обнаженной...» Образ «испорченной девчонки» развивали в своих фильмах крупнейшие режиссеры того времени: Рене Клеман, Луи Маль, Жан Люк Годар, Мишель Буарон, Кристиан-Жак, Жюльен Дювивье, Клод Отан-Лара. Они почитали за счастье работать с «Б. Б.»

Слава и поклонение не сделали Брижит суперзвездой в привычном понимании этого слова. Она не появлялась на

публике с ног до головы в брильянтах и дорогих нарядах, ни в чем не следовала «правилам игры» знаменитостей, потому что, по ее словам, «никогда не любила ходить строем». Брижит неоднократно говорила: «Вообще не люблю проторенных дорожек. На моду мне наплевать. Потому-то и звали меня злодейкой, провокаторшей, дурной женщиной, а я просто была сама собой». По выражению Жана Кокто, «она жила, как все, не будучи ни на кого похожей».

В быту, в семейной жизни Бардо, по собственному признанию, оставалась «домашней» женщиной и тяжелее всего переносила одиночество. Несколько месяцев одиночества приводили ее к депрессиям, и она должна была «срочно» почувствовать себя кому-то необходимой и желанной. И когда Трентињян вернулся в отпуск с армейской службы, его место уже было занято известным шансонье Жильбером Беко. Но и его Брижит приходилось ждать – он был женат. Редкие тайные встречи вскоре перестали радовать ее и закончились новой попыткой самоубийства. Теперь в ход пошло снотворное. Только случайный звонок Жильбера спас ей жизнь. Неопределенность в любви Брижит ненавидела так же, как обманы и ожидание коротких минут близости. Тем более, что каждый ее шаг отслеживался вездесущими журналистами. «Они охотились за мной, как будто я была не человеком, а дичью, которую нужно убить... Какой-то жуткий, кошмарный сон! Ведь более двадцати лет они тщательно меня выслеживали, преследовали, распространяли обо мне всяче-

скую ложь и небылицы, приписывали слова, которых я никогда в своей жизни не произносила, поступки, которых никогда не совершала...»

Предложения работать в кино сыпались одно за другим, и Брижит Бардо (она могла уже это себе позволить), со свойственной ей непредсказуемостью, какие-то из них отвергала, например, главную роль в фильме «Анжелика». А после блистательных комедий «Парижанка» (1957 г.) и «Бабетта идет на войну» (1959 г.) Бардо стала королевой в мире эротики. Туго обтягивающие мини-юбки, прически «а-ля Бабетта» и по-особому накрашенные губы стали модой десятилетия. Актриса не могла спокойно пройти по улице, ее преследовали толпы поклонников, а феномен «Б. Б.» принялись изучать солидные киноведы. Она не была красивее и талантливее Джини Лоллобриджи, Элизабет Тейлор, Роми Шнайдер или Мишель Мерсье, но все же никому из них не удалось снискать у публики столь бурного почитания. Инициалы «Б. Б.» украсили престижные торговые марки ведущих фирм страны, принося Франции сказочные прибыли (говорили, что они были больше, чем все заводы по производству малолитражных «фордов»).

Нельзя сказать, что Бардо была безразлична обрушившаяся на нее популярность, но ей хотелось побыть просто любимой женщиной наедине с мужчиной, не вздрагивая и не оглядываясь на каждый шорох. Стремительно и легко пролетел роман с итальянским актером Рафом Валлоне, и серд-

це Брижит занял начинающий певец Саша Дистель. В свободное от съемок время они совместно записали пластинку «Солнце моей жизни», а песня «Брижит» прославила певица на весь мир. «Он сама прелесть... – восклицала актриса, – прекрасно поет, играет на гитаре, изысканно ухаживает и утонченно любит». Но и Дистель не удержал ее сердце. Спустя годы Брижит напишет в своих мемуарах: «Свой час славы познал каждый мужчина, что-то значивший в моей жизни, будь он певцом, актером, плейбоем, художником или скульптором. Каждый думал, что этой славой обязан только себе, и каждый был жестоко разочарован, видя, как она осеняет его преемника, а ему приходится вернуться к унылым будням».

Связь с Брижит позволила Саша создать на телевидении собственное шоу. Но лишь только певец уехал на гастроли, Бардо вычеркнула его из своей жизни и с восторгом отдалась новой страсти. Красавец Жак Шарье, партнер по фильму «Бабетта идет на войну», стал ее вторым мужем. Ради него она была готова на многое, даже отважилась рожать. Ни скромную свадьбу, ни роды «засекретить» не удалось. Возле мэрии Жаку пришлось отбивать невесту от толпы, а родильный зал устроить в их парижском доме, только в соседней квартире. О переезде в больницу не могло быть и речи – дом находился в осаде. И хотя Брижит не могла просто прогуляться по улицам, подышать свежим воздухом, даже будучи беременной, она, несмотря на протесты мужа, продолжала

работать над фильмом «Истина» (1960 г.). Это была единственная возможность побыть среди людей, которые не дождались и не преследовали ее. Иногда жестокость журналистов превосходила все допустимые пределы. Однажды Брижит все же отважилась выйти на прогулку, и журналисты погнались за ней по улице. В каком-то переулке беременная женщина рухнула в мусорный бак – так ее и сфотографировали. Вернувшись домой, актриса вновь наглоталась снотворного, а Жак, узнав об этом, вскрыл себе вены. Теперь врачи спасали двоих.

Сын Николя родился 11 января 1960 г., и Брижит стала самой знаменитой матерью в мире, но материнских чувств не испытывала. Жестокость всеобщего внимания и предательство секретаря, продавшего записки о ее личной жизни прессе, заслонили успех фильма и остудили чувства к Жаку. Между ними начались скандалы, и к тому же Брижит переживала очередную влюбленность к партнеру по съемкам Сэми Фрею. Их отношения были в самом разгаре, когда Сэми забрали в армию, и актриса вновь осталась одна. Теперь Брижит решила, что никто не сможет помешать ей уйти из жизни. В небольшой деревушке, на заброшенной ферме, где она скрывалась от ревнивого мужа и журналистов, Бардо перерезала себе вены. Ее подруга подняла на поиски всю деревню. Врачи буквально вытянули актрису с того света. Ее сыну в это время было всего девять месяцев.

С Жаком Шарье Брижит развелась, но и любовь к Сэми

оказалась призрачной. Сын остался с отцом и воспитывался в его семье. «Как я могу растить ребенка, если не знаю, как жить самой...» – с болью отвечала актриса на негодование публики. Бардо хотела оставить кино, но друзья уговорили ее не совершать этой ошибки. Фильмы «Истина», «Частная жизнь», «Презрение», «Вива, Мария!», «Ромовый бульвар» доказали, что кроме эротической силы актриса наделена глубоким трагедийным даром. Ведь недаром именно ее скульптор Гурд он Аслан избрал моделью, создавая символ Французской республики. Теперь во всех префектурах страны стоит бюст Марианны – Бардо с фригийской шапочкой на голове.

За броской внешностью и сменой любовников и мужей скрывалась совсем другая женщина. Но и сама Брижит не сразу поняла это. Роман с Бобом Загури, бразильским танцором и музыкантом, начался, как всегда, внезапно. Новое чувство быстро вытеснило еще тлеющую любовь к Сэми. Брижит даже ездила к Загури на родину и с ужасом поняла, что и там ей не спрятаться от поклонников и газетчиков. Но если контакт с бразильскими почитателями ее таланта закончился для нее глубоким обмороком, то премьера фильма «Вива, Мария!» в Нью-Йорке – более плачевно. Один из фоторепортеров ухитрился щелкнуть вспышкой в нескольких сантиметрах от ее лица. У Брижит с детства один глаз плохо видел, а теперь врачи констатировали отслоение сетчатки на другом. Такого успеха стоило страшиться. Актриса

очень страдала от назойливого внимания, считая, что пресса показывала публике «только одну сторону медали, пряча другую»: «...Искаженное изображение моего истинного «Я», которое всегда швыряли на растерзание толпе, я ненавижу больше всего на свете».

Как только в жизни Брижит появлялся новый мужчина, будь то любовник или муж, пресса немедленно до мельчайших подробностей освещала очередной роман. В газетах появлялись ее фотографии с партнерами по съемкам – а среди них были Жан Габен («В случае несчастья»), Марчелло Матростройни («Частная жизнь»), Робер Оссейн («Отдых воина») – и с друзьями. Когда журнальные обложки украсили снимки Брижит Бардо и Алена Делона в купальных костюмах, кто мог поверить, что они всего лишь хорошие друзья, если под фото стояла подпись: «Самые красивые любовники в мире». И когда жизнь их вновь сводила, репортеры пылко распространялись о вновь вспыхнувшей страсти. Остудить их воображение не могло даже заявление жены Алена Делона: «Брижит Бардо очень симпатичная и умная актриса. В отличие от многих, она живет более порядочно...» Но пресса продолжала раздувать миф, что «Бардо – воплощение всех мужских эротических мечтаний», что «Бардо – агрессивна и ненасытна»...

В 1966 г. Брижит снова влюбилась. Французы негодовали – их «Б. Б.» вышла замуж за немца, пусть даже и миллионера, но немца. Гюнтер Сакс (Закс) шикарно ухаживал – раз-

брасывал с вертолета над ее виллой «Мадраг» в Сан-Тропе-зе сотни красных роз, в медовый месяц повез в путешествие по миру. А потом вернулся к делам, а в ее отсутствие, как обнаружила Брижит, к любовницам. Сидеть в одиночестве в его баварском поместье и слушать, как прислуга именуется ее не иначе, как «фрау Сакс», знаменитая актриса не стала и вернулась в Париж. Из двух лет замужества они провели вместе не более трех месяцев, а затем расстались.

Мужчины не оставляли ее без внимания, и многим своим избранникам она приносила не только личное счастье, но и жизненный успех. Но все же для большинства она была лишь «Б. Б.» – по-французски это «игрушка, кукла». Остаться такой на всю жизнь? Это было не для Бардо. Те, кто знал ее близко, понимали, какая глубокая пропасть лежит между мечущейся в поисках любви и счастья актрисой и ее внутренним «Я». Все признавали, что она всегда странно выглядела в артистическом мире: не блистала на фестивалях, интригами и сплетнями не занималась, никого «не сбила» на своем пути к славе и осталась в дружеских отношениях со всеми актерами, всеми мужьями и любовниками.

В 1973 г., находясь на гребне славы, в расцвете творческих сил и женской красоты, Брижит Бардо решила, что «любовь – это великий самообман. Когда тебе кажется, что ты живешь одной жизнью с другим человеком, ты оказываешься в абсолютном одиночестве...» И тогда Брижит, в отличие от своей героини Жиль из «Частной жизни», нашла для себя

иной путь спасения – уйти не из жизни, а из кинематографа. Предпринимая этот важный шаг, актриса признавалась: «Я ничего хорошего не вижу в своем будущем. Нельзя все время идти против течения. Наступит момент, когда сил больше не будет, и оно тебя снесет... Нужно вовремя уйти, а еще лучше – заняться нужным делом».

И таким делом для актрисы стала защита животных. «Добрая фея животных», как ее все называют, делает многое, чтобы спасти братьев наших меньших от людской жестокости. Она основала фонд защиты животных, носящий ее имя. Ее дом в Сан-Тропезе полон всяческой живности, которой она уделяет все свое время. Используя свою известность, Брижит Бардо решает многие важные экологические проблемы на уровне глав правительств различных стран, в том числе и России. С 1992 г. в благородной деятельности Бардо принимал участие ее четвертый муж, бизнесмен и лидер ультра-правой партии «Национальный фронт» Бернар Д'Ормаль, но и с ним через четыре года она рассталась.

«Я никогда не оглядываюсь назад, – говорит Брижит. – Живу только настоящим. Я не могу найти убежища в прошлом, даже если мне говорят, что оно достойно моего настоящего существования. Это убежище не для меня. Таков мой выбор, хотя временами бывает скучно... Но я так решила и бросила все ради животных в тридцать семь лет, когда была еще молода и красива. Я могла бы продолжать играть. Но жизнь – это твой выбор. Я хотела бы, чтобы моя любовь к жи-

вотным передавалась, как передается Олимпийский огонь. Каждый должен действовать».

Сын Николая, давно обзаведшийся семьей и «наградивший» ее почетным званием «бабушка», одобряет поступок матери. Он рад, что некогда привлекавшая паломников к «телу Брижит» вилла «Мадраг» стала «теплым домом хотя бы для животных». В своей книге Бардо признается, что «всегда и во всем искала простоту... жизнь просто милая и душевная нравилась мне куда больше помпезной, ненужной, ледяной роскоши, в которую помещали меня во время поездок и съемок, думая угодить! Чем дальше я от природы, тем мне тошней». Сегодня она близка к природе, к той естественной жизни, олицетворением которой были все ее экранные героини.

Брижит Бардо, о которой несравненная Вивьен Ли сказала, что «никакая актриса со времен Греты Гарбо не была такой личностью», о которой знаменитый шансонье Морис Шевалье пропел: «Это драгоценность, которую можно сравнить только с сердцем», доказала, что она в первую очередь является символом человеческой личности и сердца. Но для миллионов поклонников постаревшая и не прячущая за косметикой и пластическими операциями свой возраст «Б. Б.» («Возрастные изменения – это так естественно») остается неизменным секс-символом XX века, все той же «полуженщиной-полудевочкой», чувственной, раскованной бунтаркой, уводящей мужчин в царство эротических мечта-

ний.

Бернар Сара

(род. в 1844 г. – ум. в 1923 г.)

Великая французская актриса, сказавшая о себе: «Я была одной из величайших любовниц своего века».

Маленькой девочке было всего девять лет, когда она, при-

няв вызов кузена, попыталась перепрыгнуть через ров, преодолеть который никому из детей не удавалось. Она разбила лицо, сломала руку, сильно ушиблась, но, преодолевая мучительную боль, кричала: «Все равно я это сделаю, вот увидите, во что бы то ни стало, пусть только попробуют дразнить меня! И всю свою жизнь я буду делать все, что захочу!» Эта сказанная в запале тирада стала основой ее жизни и бешеного успеха, а девиз «Во что бы то ни стало» – ее спасительным кругом и маяком. Может, именно благодаря этому трагическому событию мир получил «божественную Сару», о которой В. Гюго сказал: «Это больше чем актриса, это – женщина...» Бернар стала легендой театра, знаком целой эпохи. И как у каждой легенды, у нее были свои начало и корни.

23 октября 1844 г., когда родилась Сара, ее матери Жюли ван Хард (Юдифь фон Хард) было всего шестнадцать. Она была невообразимо красивой голландской еврейкой с золотистыми длинными волосами. Эта женщина была создана для любви. И в скором времени после приезда в Париж родила хиленькую девочку. Кто был ее отцом, точно не установлено. Одни биографы называют Мореля Бернара – офицера французского морского флота, другие говорят, что звали его Эдуардом и был он не то студентом-юристом, не то инженером. Сара видела отца всего несколько раз в детстве, он умер рано при невыясненных обстоятельствах. А Жюли ван Хард превратилась в одну из самых модных и высокооплачиваемых содержанок Парижа, «даму полусвета». Зани-

маться ребенком ей было некогда, она путешествовала с любовниками по Европе и блистала на балах. Сара жила у кормилицы в Бретани. У этой славной женщины детей не было, и всю нерастраченную нежность она отдавала «своей Пеночке». Мама, «похожая на мадонну», появлялась, лишь когда слабая здоровьем дочка серьезно заболела. Но Сара только и мечтала, чтобы быть рядом с ней. В пять лет она выпрыгнула из окна, сломала руку в двух местах и сильно повредила коленную чашечку, чтобы привязать мать к себе. Ей это удалось: целых два года мадам Бернар и ее любовники опекали девочку.

В семь лет Сару отдали в пансион госпожи Фрессар, который стал для нее, по ее собственному выражению, «комфортной детской тюрьмой». Затем домом для нее был привилегированный католический монастырь Гран-Шан, расположенный в Версале. Учиться Сара не любила, прилежанием не отличалась, была хиленькой от точившего ее легкие туберкулеза. Лихорадки и обмороки, сопровождавшиеся обильным кровохарканьем, обессиливали и без того слабый организм, но возникали они чаще не от простуд, а вследствие вспышек «дикого гнева», которые невозможно было унять. Монахини, чтобы привести девочку в чувство, выплескивали ей на голову ковш святой воды. Впрочем, Сара была очень отходчивой и быстро успокаивалась. В ее поведении всегда ощущался какой-то надрыв, неосознанное стремление выделиться, готовность к героическим действиям. В десять лет

она храбро вытащила из заросшего тиной пруда четырехлетнюю девочку. О последствиях она никогда не думала. Живое воображение и обостренная чувствительность Сары, напичканной христианскими преданиями, привели ее к мысли стать монахиней. Мать же считала, что ей и еще двум ее внебрачным дочерям (Режина умерла молодой, Жанна стала актрисой) уготована приятная жизнь высокооплачиваемых куртизанок. Но герцог де Морни, один из любовников мадам Бернар, потрясенный грацией дикой кошки и какой-то внешней театральностью поступков 15-летней Сары, порекомендовал отдать ее в Консерваторию – актерскую школу и впервые отвез девочку в театр.

«Когда занавес медленно стал подниматься, я думала, что упаду в обморок. Ведь это поднимался занавес над моей жизнью», – записала Бернар в своих мемуарах. Непонятно, что помогло абсолютно неподготовленной Саре пройти отбор в Консерваторию – протекция маминых друзей или все же в ней разглядели скрытое дарование. Ее внешние данные совсем не соответствовали эталону сценической красоты того времени: худая как щепка, угловатая, небольшого росточка. Но у нее было живое лицо, чудные глаза цвета морской волны – в них играли и переливались настроение и чувства, а руки и пальцы вторили им. Оказалось, что ее хрупкое тело могло звучать, как музыка, а ее голос Дюма-отец сравнивал с «хрустально чистым ручейком, журчащим и прыгающим по золотой гальке». Но все это надо было еще рассмотреть,

а первое, что бросалось в глаза, – золотистая масса пушистых волос и несдержанность эмоций. Однако теперь Сара училась прилежно, не пропускала ни единого урока. Вскоре преподаватели всерьез заговорили о ее трагедийном и комедийном даре. Единственным недостатком Сары на протяжении всей театральной карьеры оставался страх перед выходом на сцену. Даже увенчанная лаврами, она часто выходила на подмостки в таком взвинченном состоянии, что играла почти подсознательно, а после спектакля падала в обморок.

Консерваторию Бернар закончила успешно. По протекции Дюма-отца и герцога де Морни была принята в знаменитую труппу «Комеди Франсез». Первое выступление 18-летней дебютантки в роли Ифигении в одноименном спектакле прошло незамеченным. Это ее, конечно, огорчило, она надеялась на триумф, но для себя Сара «бесповоротно решила стать личностью во что бы то ни стало», как и остаться в этом театре навсегда. Последнее желание осуществить не удалось. Необузданность чувств и умение создавать себе неприятности лежали в основе ее натуры. На церемонии по случаю празднования дня рождения Мольера Бернар, защищая свою сестру, отвесила несколько звонких пощечин толстой примадонне. Дебютантка отказалась извиниться и ушла из театра.

Сара поработала немного в других труппах. Слава не спешила к ней, зато стали появляться любовники, у которых она, в отличие от матери, на содержании никогда не была.

Их было много, и со всеми своими поклонниками Бернар оставалась в прекрасных отношениях даже после расставания. Первым (о котором известно) мужчиной в ее жизни стал граф де Катри – молодой, красивый, элегантный лейтенант, впоследствии занимавший высокие посты в правительстве.

Первая любовь отыскала Сару в 1864 г. Покровительствовавший актрисе Дюма дал ей рекомендательные письма для поездки в Бельгию. На одном из костюмированных балов она познакомилась с герцогом Анри де Линем. Красавец-принц был так очарован актрисой, что заявил о готовности жениться на ней, но при условии, что она покинет театр. Сара была влюблена и согласна на все. Но как могли принять безродную актрису в одну из самых именитых семей Брюсселя! Ее уговорили не разрушать жизнь любимому человеку. Сына, родившегося спустя несколько месяцев после поездки, она назвала Морис. Это был единственный представитель мужского пола, которого она любила беззаветно и была ему свято верна. Возвращаясь после гастролей, Сара всегда думала только об одном: «Там меня ждет мое счастье! Моя радость! Моя жизнь! Все-все и даже больше!» Спустя годы Анри де Линь предложил сыну признать его и дать свое имя. Морис отказался. Его любящая мать одарила его самой громкой фамилией века – Бернар.

Долго грустить Сара не могла... Теперь перед ней была одна цель – карьера. И опять по протекции ее приняли в менее престижный, но знаменитый своими традициями театр,

о котором она потом вспоминала: «Ах, «Одеон»! Этот театр я любила больше остальных. Да, я могла жить там. Более того, только там мне и было по-настоящему хорошо. Жизнь казалась мне нескончаемым счастьем».

Бернар упорно работала над собой. На сцене «прекрасно отполированный скелет», «палочка с губкой на конце», с руками, похожими на «зубочистки», превращалась то в безумную баронессу в «Маркизе де Вильер», то в менестреля Занетто в «Прохожем» Ф. Коппе. Ею восторгались студенты, ей дарили букеты и посвящали длинные поэмы, но чудесное восхождение на Олимп было прервано войной с Германией. Отправив всю семью подальше от военных действий, Сара решила остаться в осажденном Париже. Опустевший «Одеон» она превратила в госпиталь, где мужественно исполняла роль сестры милосердия. Добыча продуктов и дров для раненых в холодную зиму 1870–1871 гг. стала для нее испытанием на крепость характера. Бернар держала себя в руках, не падала в обмороки – от ее стойкости зависела жизнь других людей. Она стала настоящей патриоткой. Позже, изъездив с гастролями полмира, Сара тщательно огибала Германию.

В октябре 1871 г. «Одеон» открыл новый театральный сезон. Бернар «скакала галопом за мечтами» и ожидала явления Мессии. Для нее им стал В. Гюго и его пьеса «Рюи Блаз». 26 января 1872 г. Сара Бернар из роли королевы шагнула к титулу «звезда». Перед ее талантом преклонил колени великий драматург. Успех был оглушительным. «Туманная заве-

са, дотоле застилавшая от меня будущее, спала, и я почувствовала, что рождена для славы. До сих пор я была лишь любимицей студентов, отныне я стала Избранницей Публики... Обо мне можно спорить, но пренебрегать мною нельзя».

У Бернар и раньше не было отбоя от поклонников, но теперь ее обожателями стали Гюстав Доре, Виктор Гюго, Эдмон Ростан, Эмиль Золя. Как далеко простирались их отношения, история умалчивает. Сару не оставляли равнодушной талантливые мужчины. Она была страстной любовницей, но никогда не растрчивала себя конца. Бернар обладала смесью эротической и духовной власти над мужчинами и в то же время не допускала ни малейшего посягательства на свою свободу. Это была гремучая смесь, возбуждающая сильный пол. Современники утверждали, что у нее были тысячи любовников. В одной из книг было сделано смелое заявление, что Бернар соблазнила всех глав государств Европы, включая Папу Римского. Сара ничего не подтверждала и не отвергала. У нее действительно были «особые отношения» с принцем Уэльским, ставшим позже королем Англии Эдуардом VII, и с племянником Наполеона I. Возможно, что только за невиданный талант ее осыпали драгоценностями император Австрии Франц-Иосиф, король Испании Альфонсо и король Италии Умберто. Монарх Дании Кристиан IX отдал в ее распоряжение яхту, а герцог Фредерик предоставил свой родовой замок.

В мемуарах «Моя двойная жизнь» Сара обошла стороной свою личную жизнь, чтобы не обидеть никого из поклонников. Но людская молва всесильна. Современники приписывали Бернар в любовники всех театральных партнеров. Каждый такой роман длился, пока спектакль не сходил со сцены, и тогда возлюбленный смиренно перекочевывал в разряд друзей. Чаще всего упоминаются имена прекрасных актеров Филиппа Гарнье и Пьера Бертонна. О Саре и Пьере писали, что они были настолько заряжены своей страстью, что «могли бы освещать улицы Лондона» во время триумфальных гастролей «Комеди Франсез». Да, через десять лет Бернар вернулась в театр, с которого начинала. Только теперь она была звездой с капризами, и директора были вынуждены с ними считаться.

Сара не только была страстной женщиной и талантливой актрисой, но и постоянно шла на поводу у своих импульсивных и необузданных идей. Рядом с ней даже воздух был наэлектризован. «Всякий раз, когда непредвиденные обстоятельства вторгались в мою жизнь, я невольно отступаю назад... а затем очертя голову бросаюсь в неизвестность... В мгновение ока сиюминутное становится для меня прошедшим, вызывая во мне чувство трогательной нежности как безвозвратно погибшее. Но я обожаю также то, что будет. Будущее влечет меня своей таинственной неизвестностью». «Мадмуазель бунтовщица» (так звали актрису современники) в разгар репетиций нового спектакля могла увлечься

скульптурой и ночи напролет не выходила из своей мастерской, ваяя с присущим ей пылом одну скульптуру за другой. Знаменитый Роден находил ее произведения несколько архаичными, но в таланте не отказывал. Скульптурная группа «После бури» получила награду на выставке 1878 г. и была куплена «царьком из Ниццы» за 10 тысяч франков. Кстати, красавец-натурщик, служивший Родену моделью для «Вечной весны», одно время был любовником Сары. Затем она увлеклась живописью и вместо прописанного лечения малокровия в благодатной Ментоне уехала в Бретань, без устали лазила по горам и часами не отходила с мольбертом от моря.

Любознательность и погоня за острыми ощущениями привели ее однажды в корзину воздушного шара. Сара летела на высоте 2600 м, совершенно забыв, что ее ждут зрители. Переодевшись в рабочую одежду, вместе со строителями и художниками бегала по лесам строящегося для нее особняка в центре Парижа. Она спускалась в подземную пещеру во время гастролей в США, чтобы увидеть безглазых рыб. А со знаменитого Ниагарского водопада съехала по льду на собственном пальто, увлекая за собой всю труппу.

Разве могла такая женщина не притягивать мужчин! Критик Сарсей назвал ее «чудом из чудес». Поэтому, наверное, Бернар прощали все чудачества. Правда, один из любовников оказался очень страстным и слишком глубоко вошел в роль... Великолепная Сара и блистательный трагедийный актер Жан Муне-Сюлли долго были партнерами на сце-

не и в постели. Их называли просто «парой», не упоминая имен. Жан был к тому же одним из самых красивых артистов того времени. Нежный и романтичный, энергичный и страстный, гордый и независимый – мужчина до мозга костей. За их романом с восторгом следил весь «Париж-сплетник». Жан был искренним в своих чувствах, а Сара, как всегда, непостоянна. Ее измена больно ударила по самолюбию актера, и в финальной сцене «Отелло» он так сильно сжал горло своей Дездемоне, что Сара почувствовала, как уплывает мир. Обеспокоенный режиссер вынужден был опустить занавес на несколько минут раньше, чтобы трагическая концовка шекспировской драмы не превратилась в реальность.

Все в личной жизни Бернар и в ее творчестве поражало эксцентричностью, но сама актриса никогда сознательно не работала на публику. Даже маленький рост и худоба Сары, талия которой равнялась 43 см, никого не оставляли равнодушным. Это стало темой для бесчисленных шаржей и анекдотов. Один из них звучал так: «Вчера на Елисейские поля прибыла пустая карета. Из нее вышла Сара Бернар». А ее любовные похождения давали особую пищу для пересудов. Актриса признавалась: «Меня эта кутерьма ужасно забавляла. Я палец о палец не ударила, чтобы привлечь к себе внимание, но мои причудливые вкусы, худоба и бледность, а также только мне присущая манера одеваться, презрение к моде и полное пренебрежение всеми правилами приличия делали меня существом исключительным».

И актрисой Бернар была исключительной. Премьера «Федры» стала для нее подлинным триумфом. Каждый ее жест, интонация были отточены и неповторимы. Потрясающий успех сопутствовал Саре в пьесе «Иностранка» Дюма-сына. В «Побежденном Риме» Пароди 32-летняя актриса отказалась от роли юной весталки и вытребовала себе образ 70-летней Постумии – старой слепой и благородной римлянки. Окончательно Бернар завоевала сердца зрителей в 1877 г., сыграв донью Соль в «Эрнани» В. Гюго. Автор после триумфальной премьеры писал: «Вы были очаровательны в своем величии... Когда растроганные и очарованные зрители Вам аплодировали, я плакал. Дарю Вам эти слезы, которые Вы исторгли из моей груди, и преклоняюсь перед Вами». К письму была приложена цепочка-браслет с бриллиантовой подвеской в форме капли.

Бернар давно стало тесно в рамках одного театра. После неудачной постановки «Авантюристки» она написала директору: «Это мой первый провал в «Комеди», он же станет последним». Ее пытались удержать, но, уплатив 100 тысяч франков неустойки, в 1880 г. она покинула театр, сразу же заключив длительный контракт на гастроли по США и Канаде. Перед отъездом Сара испытала свои силы с труппой, в которой играла и ее сестра Жанна, совершив турне по Англии, Бельгии и Дании. Гастроли окрестили «28 дней Сары Бернар». Успех сопутствовал ей и в Америке. С девятью спектаклями она побывала в 50 городах и дала 156 представле-

ний. Ее работоспособность и выносливость казались безграничными.

Языковых барьеров для Бернар не существовало. Ее бы поняли, даже если бы она говорила на китайском. Лучшую актрису Франции приходилось охранять от восторженной публики. Сара побывала с гастролями в Австралии, Южной Америке, девять раз в США и трижды в России (1881, 1892, 1908 гг.). Театральная критика приняла ее изысканную манеру игры настороженно, а зрители были потрясены глубиной выплескивающихся чувств. В Санкт-Петербурге в 1881 г. Сара познакомилась с дипломатом греческого происхождения Аристидисом (Жаком) Дамала. Этот покоритель женских сердец, по меткому выражению его знакомых, представлял собой нечто среднее между Казановой и маркизом де Садам. Сара оказалась в плену его обаяния. Дамала был моложе ее на девять лет, очень хорош собой, капризен, самоуверен и слишком развращен вниманием женщин. Бернар была настолько влюблена, что даже вышла за него замуж (1882 г.). Аристидис «ради нее» оставил службу и вступил в труппу жены. Сценические данные, кроме внешних, у него были нулевые, но Сара верила в его гениальность. Муж беззастенчиво изменял ей с молоденькими актрисами, делал огромные карточные долги, которые она безропотно оплачивала, а затем пристрастился к наркотикам. Сара упорно пыталась спасти возлюбленного и как-то в порыве гнева даже сломала зонтик о голову ненасытного аптекаря, продававшего

го это зелье. Все было безрезультатно. Проведя в браке всего несколько месяцев, Бернар заботливо опекала бывшего супруга до конца его дней – он умер от кокаина и морфия в 1889 г. Это неудачное супружество внесло в жизнь актрисы такой душевный разлад, что нормализовать свое состояние она смогла только работой и, конечно, новыми поклонниками.

Теперь драматурги писали пьесы под Бернар. Первым был А. Дюма-сын со своей знаменитой «Дамой с камелиями». В. Сарду создал для нее «Федору», «Тоску», «Колдунью», «Клеопатру»; Ростан – «Принцессу Грезу», «Орленка», «Самаритянку». Сара охотно появлялась на сцене и в мужских ролях: Занетто в «Прохожем», Лорензаччо в одноименной пьесе Мюссе. С присущим ей шиком и элегантностью она сыграла шекспировского Гамлета, а в 56 лет вышла на сцену в роли двадцатилетнего принца, сына Наполеона в «Орленке».

Во время зарубежных гастролей актриса зарабатывала баснословные гонорары, но чрезвычайно экстравагантный образ жизни и отзывчивое сердце сводили ее доходы на нет. Светские приемы, шикарные наряды (включая сценические), банкеты с самыми изысканными блюдами для гостей (сама она ела крайне мало) чередовались с товарищеской помощью бедствующим артистам. В 1904 г. Сара совместно с Энрико Карузо дала ряд благотворительных концертов в помощь русским солдатам, раненым в ходе войны с Японией.

Во время Первой мировой войны Бернар после ампутации ноги выступала на фронте, а в поездке ее сопровождал прославленный французский генерал Фердинанд Фош. Ее милосердие распространялось и на братьев наших меньших. В одну из холодных зим Сара на две тысячи франков купила хлеба, чтобы накормить голодных парижских воробьев.

Животных Бернар любила безмерно, в доме и в саду был настоящий зоопарк. Дюма-сын вспоминал, как однажды вместо хозяйки его встретила пума и сжевала соломенную шляпу, а затем прилетел большой попугай какаду, уселся на плечо и принялся клевать пуговицы. Со своих первых гастролей в Англии Сара вернулась с «очень забавным гепардом», белоснежным волкодавом, шестью ящерицами и хамелеоном. Она очень хотела за деньги, полученные от продажи своих скульптур и картин, купить двух львят. Но пришлось довольствоваться гепардом. Если учесть, что в доме обитали четыре собаки, удав, соколы и обезьяна, в этот зверинец можно было с успехом продавать билеты. Но Сара была не меркантильна – друзья и соседи получали это удовольствие бесплатно.

Энергия из хрупкого тела актрисы была ключом. Ей было мало собственной труппы, она мечтала о собственном театре. В 1898 г. на площади Шатле открылся «Театр Сары Бернар», который она возглавляла до 1922 г. Годы не смогли усмирить юную страстность и жажду жизни. Во время одного турне по Америке 66-летняя Сара познакомилась с аме-

риканцем голландского происхождения Лу Теллегеном. Он был младше возлюбленной на 35 лет. Их связь длилась четыре года, и Теллеген признался, что это были «самые лучшие годы» в его жизни.

Бернар, несмотря на возраст, оставалась все такой же кокетливой, уверенной в своем шарме женщиной. В одной пьесе ее героине было 38 лет, а ее брату за 40. Узнав, что игравшему его артисту исполнилось 50, она в ужасе воскликнула: «Боже мой, его примут за моего отца». Самой Саре уже стукнуло ни много ни мало – 76 лет. Великая Бернар была молода душой и верила, что и выглядит соответственно. Ребенком она так часто болела, что врачи сказали, что девочка долго не проживет. Услышав приговор, Сара уговорила мать купить ей гроб, чтобы ее не положили «в какой-нибудь урдец». Этот знаменитый гроб из красного дерева сопровождал ее даже на гастролях. В нем она учила роли, фотографировалась, спала, а иногда предлагала своим поклонникам в этом узком гнездышке заняться любовью. Правда, не всем в такой обстановке удавалось доказать свою мужскую силу.

А сил Бернар хватало на все. После полета на воздушном шаре она написала очаровательную новеллу «Среди облаков», затем два романа-пособия для артистов – «Маленький идол» и «Красный двойник» и четыре пьесы для театра («Андриенна Лекуврер», «Признание», «Сердце мужчины», «Театр на поле чести»). В 54 года Бернар стала первой великой актрисой, отважившейся появиться на экранах Парижа

на сцене «Дуэль Гамлета». Ей не понравилось, как она выглядит на экране. Даже умело наложенный грим при крупном плане выдавал годы (со сцены так видно не было), а синхронный звук до неузнаваемости исказил ее по-прежнему дивный голос. Следующая попытка – экранизация пьесы «Тоска» – была настолько ужасной, что Сара совместно с драматургом

В. Сарду добилась от киностудии «Фильм д'арт», чтобы фильм не демонстрировали. После первых неудач Бернар не хотела сниматься в кино. Но была вынуждена это делать, чтобы оплачивать карточные долги любимого сына. Кредиторы держали ее в жесточайших тисках до конца жизни. И она снялась в «Даме с камелиями» и в «Королеве Елизавете» (оба в 1912 г.). После всемирного успеха этих фильмов с ее участием на экраны вышли «Андриенна Лекуврер», «Французские матери» (1915 г.) и «Его лучшее дело» (1916 г.).

Мужество этой актрисы и женщины достойно восхищения. Еще во время гастролей в 1905 г. она повредила и без того травмированное в детстве колено. Боль измучивала ее. В 1915 г. она умоляет своего врача ампутировать ногу: «... Если вы откажете, я прострелю себе колено и тогда заставлю вас сделать это». Операция была тяжелой. Нogu отняли значительно выше колена. От костылей Сара отказалась, протез сожгла в камине. На сцену ее выносили в изящных носилках. Бернар играла сидя, и зритель видел, что нет предела ее таланту и жизненным силам... Неподвижное тело заме-

няли руки и выразительные, как всегда, тщательно загримированные пальцы. Голос лился, завораживая своим тембром и ритмом. Сара подсознательно то убыстряла, то замедляла темп. Казалось, что зрители дышат в такт с ее речью. Эта маленькая, хрупкая героическая женщина была больше любого мужчины достойна ордена Почетного легиона (1914 г.). Она стала национальной гордостью Франции и ее символом, как Эйфелева башня и Триумфальная арка.

В 1923 г. Сара дала согласие играть в фильме «Провидица», но тяжелый приступ уремии прервал репетиции. Казалось, весь Париж столпился у ее дома. А непредсказуемая Бернар, предчувствуя приближение смерти, которую врачи пророчили ей чуть ли не с рождения, в свои последние часы на земле была занята отбором шести молодых красивых артистов. Им предстояло сопровождать эту вечно юную, страстную и неповторимо талантливую женщину в последний путь. Свой уход из жизни она обставила с присущей ей эксцентричностью и шиком. 26 марта 1923 г. в 8 часов вечера врач растворил окно и объявил: «Мадам Сара Бернар почила...»

Незадолго до Первой мировой войны писатель Октав Мирбо спросил у актрисы, когда она прекратит освещать свою жизнь пламенем любви. Сара, не задумываясь, ответила, что когда перестанет дышать. А что еще могла сказать женщина, которая называла себя «одной из величайших любовниц своего века»?

Борджиа Лукреция

(род. в 1480 г. – ум. в 1519 г.)

Достойная дочь семейства Борджиа, ставшая игрушкой в политической игре отца и брата. Прославилась красотой, развращенностью, жестокостью и... покровительством литературе и искусства.

Рассказ о Лукреции Борджиа нельзя не предварить историей ее рода. Без нее в личной жизни этой женщины многое может остаться неясным или неверно истолкованным.

Испанский род Борха из Хативы известен с XII века. Постепенно семейство усиливало свои позиции среди знати. А доктор права Алонсо де Борха (1378 г. р.), ввремя поддержав короля Арагонского и Неаполитанского Альфонса V, стал его ближайшим советником, личным секретарем (1418 г.), главой богатого Валенсийского епископата (1429 г.) и наставником внебрачного сына короля. Да и сам Алонсо особой святостью не отличался. Епископ был привязан к семьям своих сестер и во всем покровительствовал племянникам. Особенно он выделял Родриго и Франциско, которые, по мнению историка А. Шакона (Чаконниуса), являлись его незаконнорожденными сыновьями, грехом кровосмешения, но этот факт остается недоказанным, хотя по тем временам в нем нет ничего необычного.

Перед мастером политической интриги кардиналом-епископом Валенсийским открылась дорога в Рим в обмен на предательство своего короля. В 1455 г. конклав избрал Алонсо Борджиа папой (так его стали называть на итальянский манер). Он взял имя Каликст III. Год спустя Родриго и Франциско становятся кардиналами. Семейство использует все мыслимые и немыслимые средства для укрепления могущества и богатства своего клана в противовес Медичи,

Сфорца, Эсте, Гонзага и за два года папства Каликста III преуспевает в этом. Особенно прочное положение обеспечил себе Родриго, образованный, деятельный, ничем не гнушающийся интриган, умело использовавший ум и связи. За 12 лет кардинальства он помог взойти на Святой престол четырем папам, получая за это доходные посты и огромные деньги. А в 1491 г. Родриго и сам надевает папскую тиару под именем Александра VI и разворачивает бурную политическую и захватническую деятельность, укрепляет власть, престиж и финансовые возможности Святого престола, и одновременно испанский клан Борджиа становится богаче и сильнее итальянских.

Но Родриго занимается не только этим. Нарушая все церковные обеты, он ведет развратную жизнь, и от многочисленных любовниц в разное время у него появляется девять детей. Но особенно он выделял Розу Ванотци, которая родила ему Чезаре (или Цезаря, 1475 г. р.), Хуана (в литературе чаще Франческо, 1476 г. р.), Лукрецию (1480 г. р.) и Хофре (1482 г. р.). Еще будучи кардиналом,

Родриго регулярно удачно выдает любовницу замуж и ее супруги почитают свои рога за честь. К тому же он не только признает, но и узаконивает рождение всех детей, что не вызывает возражения церкви, к тому же внимательно следит за воспитанием сыновей и растит их как принцев.

Крошка Лукреция, которая родилась в аббатстве Субиако, не осталась без опеки. Сластолюбивый отец поручил дочь

своей вдовой кузине Андриенне де Мила, матери юного Орсо (злые языки утверждали, что он тоже сын папы). Кардинал часто посещал ее дом, но не столько из-за дочери (она была еще мала), сколько из-за юной невесты Орсо, Джулии Фарнезе. Затем Лукреция получила образование в монастыре Св. Сикста, но в 11 лет рано расцветшая красавица была возвращена домой. Как же она похорошела: пышные светлые волосы, очаровательные линии тела, светло-зеленые глаза, призывные и томные одновременно...

У Александра VI на нее были особые виды. Лукреции предстояло подобрать выгодного в политическом плане жениха. Контракт с испанцем доном Керубино Хуаном де Сентелья был расторгнут через два месяца и заключен с другим претендентом, 15-летним доном Гаспаре, но и тут отец передумал. Он решил породниться с влиятельным семейством Сфорца. Даже не разорвав предыдущей помолвки, Лукреция становится невестой, а затем и женой Джованни Сфорца, властителя Пезаро (1493 г.). Тщеславный, заинтригованный слухами, 26-летний вдовец и 13-летняя новобрачная после роскошной свадебной церемонии присутствуют на пиру, который продолжается почти неделю, превращаясь по ночам в настоящую вакханалию. Молодой женщине было не привыкать к подобным зрелищам, ведь два последних года она провела в доме Андриенны де Мила и Джулии Фарнезе – любовниц отца. К тому же поговаривали, что непорочная красивая Лукреция успела все же стать женой графа Аверзы, и

Александр VI еле откупился от первого зятя.

Но политическая ситуация показала, что с этим браком поторопились. Почувствовав угрозу своей жизни, Сфорца удалился в свою вотчину, а Лукреция осталась в Ватикане. По Риму поползли слухи, и похоже, не безосновательные, что она стала жить с отцом и братьями Хуаном и Чезаре. Лукреция настолько расцвела и похорошела, что как замужняя, но одинокая женщина стала привлекать многих поклонников. Одна странность – ее воздыхатели вскоре умирали от ножа, даже не успев забраться в ее теплую постель. Малейшего поползновения со стороны венецианца Марчелло Кандиано и феррарца Дальберджетти было достаточно для ревнивого Чезаре, чтобы отправить их к праотцам. Пока муж находился в бегах, Лукреция родила дочь Лауру. «Да это живой портрет папы, это, конечно, его ребенок!» – воскликнул один из родственников, прелат Лоренцо Пуччи. Ребенка отдали какой-то кормилице. Когда мать перед смертью вспомнила о ней, девочки уже не было в живых. Для приличия Лукреция немного пожила с мужем в Пезаро, но жизнь там ей показалась пресной, да и родственники без нее скучали.

Война Александра VI и французского короля Карла VIII доказала папе, насколько важно для семьи укрепить свое светское влияние. 16-летняя графиня Сфорца вновь становится разменной монетой в решении этого вопроса. Напуганный постоянными угрозами, муж снова бежит из Рима. Лукреция жалуется всем, что он ее бросил. Она постара-

лась, чтобы до Джованни дошли сведения, что его собираются убить. Хотя муж ей и надоел, Лукреция все же пожалела незадачливого супруга, ей очень не хотелось, чтобы он стал очередной жертвой ревнивых братьев, Хуана и Чезаре, которые возненавидели друг друга. Ни один не собирался отказываться от преступной любви к сестре. Самой же Лукреции больше нравился Хуан Гандийский – он был красивее, нежнее и обходительнее напористого и грубого Чезаре. Братья уступали пальму первенства только отцу. Было мало женщин, способных отказать Родриго Борджиа. Один из современников писал: «У него проникновенный голос. Он говорит и пылко и очень мягко одновременно. Черные глаза его великолепны. Лицо всегда приятно. Оно выражает веселость и счастье. Разговор с ним странным образом способен взволновать слабый пол. Он притягивает женщин, как магнит притягивает железо. Но ловко скрывает свои победы, и никто не знает, сколько женщин ему покорилось». И послушная дочь не отказывала ему.

Пока решалась ее дальнейшая судьба, «покинутая жена» удалилась, согласно обычаю, в монастырь Сан-Систо, где тайно принимала только Хуана. Доведенный этим до бешенства, Чезаре решил на кровное убийство. После пира у Ваноччи, на котором Лукреции удалось «примирить» братьев и они дружески расстались, Хуан отправился на любовное свидание, подготовленное Чезаре, но домой больше не вернулся. В ночь на 16 июня 1497 г. он был убит наемниками,

которые сбросили тело в Тибр, да еще и в том месте, где обычно вываливают мусор. Активно начатое расследование благополучно зашло в тупик. Все в Риме знали, кто убийца, но ради чести семьи папа простил Цезаре смерть самого любимого сына и даже назначил его легатом в Неаполь. Лукреция замаливала грехи в монастыре и покидала его изредка, чтобы «утешить» папу.

Александр VI тем временем пытается добиться расторжения брака дочери с Джованни Сфорца, обвиняя его в мужской несостоятельности. Лукреция умирает от скуки. Папа шлет ей в монастырь нежные письма с обещаниями, что затворничество скоро закончится. Его постоянным и «надежным» почтальоном становится красивый и юный испанский камергер Педро Кальдес (Кальдерон), называемый еще Перотто. Ему не пришлось долго уламывать 17-летнюю красавицу, очень страдавшую без мужской компании. Но, отдавшись молодой страсти, они совершенно позабыли об осторожности и планах семьи – Лукреция забеременела. На шестом месяце в просторных одеждах прекрасная дама предстала на церемонии расторжения брака (1497 г.), где ее объявили девственницей, с согласия мужа (чем не пожертвуешь ради спасения жизни!).

Едва сообщили о разводе, как стали известны имена трех претендентов на «нетронутую» красавицу. Но пока папа решал, какой жених предпочтительней, Лукреция разрешилась от бремени мальчиком Джанни (1498 г.). Только спустя

три года его рождение узаконили, причем у него появилось сразу два отца. В одной булле его признал Чезаре, а в другой – сам Александр VI. Имя Лукреции даже не было упомянуто. Матерью значилась «незамужняя женщина». А настоящий отец (а может, он и не был виновником и только попался на горячем) был вначале посажен в тюрьму, а затем «упал в Тибр против своей воли», – писал церемониймейстер папского дворца Буркард (Бурхард). По Риму поползли скабрёзные шуточки. Гуманист Саннадзаро даже сложил эпиграмму в виде эпитафии: «В этой могиле спит Лукреция, которая лучше бы звалась Тайс, потому что она была дочерью, супругой и невесткой Александра VI». Но Борджиа хранили абсолютное спокойствие, а Лукреция готовилась к свадьбе.

Наконец-то для истомившейся женщины был найден жених – Альфонсо Арагонский, герцог де Бисельи (Бишелли) – один из самых красивых принцев того времени, с любезными манерами и мягким характером, но главное – сын Неаполитанского короля, хотя и побочный. Будущий муж, подобранный братом, Лукреции очень понравился. В июле 1498 г. состоялась пышная свадьба. На вечернем маскараде Чезаре появился в костюме единорога – символа чистоты и верности. Это было очень смешно. Но этот брак оказался еще менее продолжительным, чем первый. Как ни странно, Лукреция привязалась к мужу и ждала от него ребенка. Она успокоилась после женитьбы и отъезда Чезаре, но не смогла внушить Альфонсо, что угрозы нет. Он хорошо знал, как много людей

пострадало от немилости Борджиа.

Укрывшись в Дженаццано, герцог зовет к себе жену. Но Александр VI, которому дочь безропотно подчинялась во всем, назначил ее губернатором в главную папскую крепость к северу от Рима Сполетто и в Фолиньо (1499 г.). Эту должность обычно занимали только кардиналы и прелаты. На посту губернатора Лукреция пробыла всего два месяца, но, по признанию современников, успешно справлялась с обязанностями: за счет коммуну организовала корпус жандармерии для помощи полиции, обязала Сполетто и Терни заключить трехмесячное перемирие. Она была спокойна и счастлива, особенно после возвращения Альфонсо, который находился возле нее в момент рождения их сына Родриго – первого законнорожденного внука папы от всех его детей.

Лукреция только начала входить во вкус семейной жизни, как политические интересы потребовали от нее новой жертвы. 15 июня 1499 г. наемные убийцы Чезаре тяжело ранили молодого герцога, однако посчитали его убитым и бросили на мостовой. Слуги перенесли истекающего кровью господина к Лукреции, и она в течение месяца выходила его. Чезаре рвал и метал после посещения герцога, увидев заботу Лукреции. Ее он по-прежнему предпочитал жене и любовницам. Присутствовавшие слышали странные слова, сказанные им на прощание: «То, что не сделано на обед, будет сделано на ужин». И Буркард записывает в дневнике: «Учитывая, что дон Альфонсо отказывался умирать от ран, он был

задушен в своей постели». Горе Лукреции в этот раз было непритворным. Герцог стал ее первой настоящей любовью. Ее поведение вызвало раздражение папы и Цезаре, им надоели ее слезы и опухшее лицо. Вдову отправили в Непи «искать утешения», как пишет язвительный Буркард (как оказалось впоследствии, он был сторонником Джулианно делла Ровере и его словам не во всем можно доверять). Конечно, трудно поверить, что такая развращенная женщина среди своих родственников, отличавшихся бесстыдством, могла искренне горевать, но каждое свое письмо она заканчивала словами: «Самая несчастная женщина». Играть перед отцом, который утопил ее в грязи, у нее не было необходимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.